

Профессоръ Н. Н. Глубоковскій.

СВЯЩЕННИКЪ

Михаилъ Васильевичъ
Поповъ.

(† 1909, X, 20)

Некрологъ, надгробныя рѣчи, стихи и статья въ память почившаго, а также два поученія послѣдняго о покойномъ его родителѣ.

Съ 7 портретами и 4 снимками.

Вологда.
Типографія Губернскаго Правленія.
1910.

Кибвицкой Чивинской
церкви Священника Михаила
Поруба. 4 Февраля 1904 года

СВЯЩЕНИКЪ

Михаилъ Васильевичъ Поповъ.

(Некрологъ.)

Скончався вмалъ

исполнъ льта дола:

Угодна бо бѣ Господеви душа его.

Ирх. Содом. IV, 13—14.

Во вторникъ 23-й седмицы по Цятидесятницѣ, 20 октября сего 1909 года, въ 5 ч. 40 ми. по полуночи скончался въ Маріинской больнице г. С.-Петербурга (на Литейномъ проспектѣ № 56) священникъ Кобыльской Ильинской церкви, Никольского уѣзда, Михаилъ Васильевичъ Поповъ. Это былъ достойный представитель православнаго пастырства, и память его должна сохраняться „во благословеніяхъ“ въ пазиданіе и подражаніе. Самъ болящій — скорбною рукой начертываю бѣглые строки, чтобы запечатлѣть свѣтлый обликъ дорогого племянника, почившаго о. Михаила.

Онъ родился 8 января 1869 года въ селѣ Кобыльскѣ Ильинскомъ (Никольского уѣзда, въ 22 верстахъ отъ почт. ст. Кичменгскій Городокъ, между городами Великимъ Устюгомъ и Никольскомъ) и былъ старшимъ въ родѣ своего отца, мѣстного священника Василія Михайловича Попова († 3 августа 1905 г.) и супруги его Аны Никаноровны, урожденной Глубоковской. Дѣтство его было не изъ легкихъ, потому что родители только еще начинали обзаводиться, а на рукахъ у нихъ была, огромная семья сиротъ Глубоковскихъ вмѣстѣ съ матерью послѣднихъ. Однако образованіе шло правильно. Хорошо подготовленный дома, мальчикъ съ отличнымъ успѣхомъ прошелъ курсъ ученія въ Никольскомъ духовномъ училищѣ (1878—1883 г.г.) и затѣмъ въ Вологодской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ въ 1889 году 4-мъ студентомъ (изъ общаго количества 17-ти при наличности 57 вѣхъ воспитанниковъ того выпуска). Даровитый и благонастроенный юноша выдѣлялся съ выгодной стороны среди товарищѣй.

которые его любили и сами выдвигали впередъ, почему отъ имени ихъ онъ говорилъ на молебцѣ прощальную рѣчъ при разставаніи съ семинаріей. Все открывало ему дорогу въ Академію, куда дѣлались въ этомъ смыслѣ иѣкоторыя попытки, но промыслъ Божій уготовлялъ ему другое поприще—настырскаго служенія¹⁾). Къ нему именно влеклась его душа, съ ранняго дѣтства воспитанная въ благоговѣйной религіозности, которая искала живого практическаго приложенія въ настырскомъ дѣланіи, а проповѣдническій талантъ пропиленнаго учительства устремлялъ къ церковной каѳедрѣ.²⁾

¹⁾ Были къ сему совершение внѣшніе и случайные поводы, по о. Михаилу усматривавшіе въ нихъ особое указаніе. Но словамъ его семинарскаго товарища Л. В. С., „когда онъ возвратился въ Вологду изъ Московской Академіи, то говорилъ: „мнѣ и нельзѧ было бы оставаться въ Академіи,—трудно было бы учиться“. Это, кажется, могъ подумать только М. В. Ионовъ, всегда точный и добросовѣстный, не допускавшій возможности не приготовить урокъ, отложить его на—время и т. п. Отнесся къ неудачѣ,—но разсказамъ другихъ,—совершенно спокойно, и видимо, что сказанное имъ послѣдніе было у него не фразой⁴. А внутренняя причина была въ томъ, что онъ душевно тяготѣлъ именно къ сельскому настырству и побѣжалъ въ Академію похотно, почему, не попавъ туда, возвратился къ своему взлѣтишному призванию.

²⁾ Одинъ изъ постепеннѣшихъ семинарскихъ товарищей о. Михаила, выражая намъ горячую скорбь о прѣдѣвремениной его кончинѣ, пишетъ слѣдующее: „Какъ товарищъ побѣдѣлъ отличался мягкимъ отзывчивымъ характеромъ. Любовь къ настырскому дѣлу, которому онъ посвятилъ свою жизнь, особенно проявилась въ немъ въ послѣдніе годы обучения въ семинарии: учаас въ 6-мъ классѣ, онъ почти каждый воскресный и праздничный день говорилъ проповѣди (большую часть печатиши) въ Благовѣщенской церкви г. Вологды“. Другой авт-ритѣтный семинарскій товарищъ сообщаетъ объ о. Михаилѣ, что „это былъ человѣкъ въ высшей степени исполнительныи и трудолюбивый; всегда вѣръзаниемъ объяснялъ учителей и обязательно переносилъ ихъ набѣдо дома; у него никогда не существовало разсчетовъ при подготовкѣ къ слѣдующему дню—спросить его, или нѣть; онъ всегда былъ одинаково готовъ къ отвѣту. Это отношеніе къ дѣлу исходило у него не изъ самолюбивыхъ побужденій, не изъ боязни провалиться въ глазахъ учителей, а изъ рѣзкаго среди учениковъ сознанія долга,—долга ученика. Онъ одинаково былъ усердънъ и внимательнъ по всемъ предметамъ. Учителя знали это и, когда нужно было привлечь къ работе облазавшаго царапомъ точными знаніями,—спрашивали его. Товарищи, когда нужно было имѣть слова по языкамъ, зачиши объясненіи по другимъ предметамъ и т. под., обращались тоже къ нему. Намять у него была прекрасная; пѣтати, хронология, выдержки изъ образцовъ, заучиваемыя написать,—были его любимыя дѣломъ. Онъ свободно цитировалъ и изустъцавалъ апостольскія и соборныя, указывая Ѵ каждого во перидикѣ, всегда знать рекомендуемыя къ заучиванію проповѣди (въ родѣ „Иак. Гогъеа и крестъ“..)—иногда очень длинныя, а также выдержки изъ отѣфъ єнафр., св. I. Златоуста о священствѣ), изъ догматическихъ символовъ и європ. ложеній и т. п. А нужно сказать, что мы заучивали всего этого слишкомъ много: однѣхъ проповѣдей,—помнится,—до 30 предлагалось намъ къ изученію написать. Среди товарищей М. В. Ионовъ пользовался уваженіемъ, какъ всегда исправный и точный исполнитель заданного, у котораго въ случаѣ нужды можно было воспользоваться на сїѣхъ все, что не исполнено самимъ дѣромъ. Ридимо, товарищи искренно любили о. Михаила, если сохранили свой чувства къ нему на протяженіи послѣдующихъ 20-ти лѣтъ. Шесть о его смерти написана среди нихъ самая горячая соболѣзнованія и трогательныя выражения сердечнаго сочувствія роднымъ о. Михаила.

Михаилъ Васильевичъ
Поповъ въ IV-мъ классѣ
Вологодской Духовной
Семинаріи. Снимался у
Раевскаго въ Вологдѣ
осенью 1886 года.

Михаилъ Васильевичъ Поповъ въ
V-мъ классѣ Вологодской Ду-
ховной Семинарій вмѣстѣ со сво-
имъ младшимъ братомъ Никола-
емъ (тогда въ I классѣ Семинаріи,
нынѣ священникъ русскихъ церк-
вей въ г.г. По и Біарицѣ, на югѣ
Франціи). Снимались у Раевскаго
въ Вологдѣ весною 1888 года.

18 марта 1890 г. Мих. Вас. Поповъ—съ утверждениія епископа Вологодскаго Израїля († 23 апрѣля 1893 г.) —былъ рукоположенъ епископомъ Великоустюжскимъ Іоанній-кіемъ (Казапскимъ) во діакона къ Утмановской Ильинской церкви, гдѣ однимъ изъ священниковъ былъ своякъ покойшаго о. Виктория Философовичъ Ржаницынъ, женатый на его сестрѣ Александре Здѣсь вблизи (всего лишь въ 40 верстахъ) родины и среди родныхъ онъ служилъ больше $1\frac{1}{2}$ лѣтъ. Діаконское положеніе не давало возможности отличиться, но тогдашній принонамягчайшій епископъ Великоустюжскій Петръ (Лопевъ, † 30 марта 1902 г.) хорошо зналъ его по семинаріи, въ бытность свою ректоромъ послѣдней, и довѣрилъ молодымъ силамъ и одушевленной ревности о. Михаила трудное и отвѣтственное порученіе. 3 ноября 1891 года онъ былъ рукоположенъ во священника и посланъ на другой конецъ Никольского уѣзда, къ Моломской Михайлово-Архангельской церкви, въ 220 верстахъ отъ г. Никольска, къ границѣ Вятской губерніи. Это былъ совершенно новый приходъ, гдѣ все приходилось заводить и устраивать съ самагоначала. Кромѣ необходиимыхъ скудныхъ построекъ для причта, —въ наличности тамъ была собственно только одна церковь, освященная 9 іюня 1890 г., но и она не имѣла ни желательной проопности, ни падлежащаго благообразія какъ сонѣ, такъ и внутри. Обязательно было позаботиться о священномъ средоточіи нового прихода — храмѣ Божіемъ, а прихожане уже понесли достаточно материальныхъ жертвъ и не расположены были къ дальнѣйшимъ, между тѣмъ сразу же почувствовалась надобность обременять ихъ и по церковно-никольскимъ потребностямъ. Настойчивость въ этомъ направленіи была сугубо тягостна, ибо материальная отношенія прихожанъ къ причту были не вполнѣ опредѣлены и, кажется, доселѣ не выяснены окончательно, а о. Михаиль, при увеличившейся семье, нуждался въ средствахъ. На бѣду случилось большое несчастіе: 4 марта 1892 г. сгорѣлъ до тла священническій домъ со всѣмъ имуществою, и самъ хозяинъ едва сиася живымъ со своимъ семействомъ чрезъ окно, изъ котораго вышибъ раму руками — съ большими поврежденіями послѣднихъ. При всемъ томъ молодой іерей не унывалъ ни духомъ, ни тѣломъ, и твердо шелъ по избраенному имъ пастырскому пути. По словамъ прощаальной рѣчи къ Моломскимъ прихожанамъ, „цѣлью его пастырской дѣятельности здѣсь были не корысть земная, не сребролюбіе и славолюбіе, а желаніе быть

настыремъ добрымъ, право правящимъ слово Божественной истины". Эта ревность возбуждала сердца прихожанъ и вызывала душевное сочувствіе высшимъ стремлениямъ настоятеля. Такъ рождалась, развивалась и крѣпла живая взаимность пастыря съ пастой, а отсюда естественно являлась и готовность па материальныя жертвы для церковно-просвѣтительныхъ дѣлъ. И о. Михаилъ илодотворно воспользовался такимъ пасторѣемъ. Онъ прежде всего обратилъ внимание па церковь, которая имѣла весьма убогий видъ, а его заботами настолько преобразилась, что — по выражению благочиннаго свящ. П. А. Молявина — о. Михаилъ оставилъ Моломскій храмъ „благолѣпно устроеннымъ, сияющимъ блескомъ, златомъ и великолѣпіемъ“. Такъ, въ 1894 г. деревянная тесовая крыша била замѣнена желѣзной и — вмѣсто деревяниыхъ крестовъ — на главѣ церкви и шпицѣ колокольни были водружены массивные желѣзные позолоченные кресты; въ 1896 г. церковь обита тесомъ и окрашена бѣлою краской, затѣмъ обнесена красивою деревячию оградой съ большими воротами съ южной стороны; 7 ноября 1899 г. былъ подвѣтъ новый благозвучный колоколь въ 61 пуд. 1 ф. Внутри всѣ сгѣвы и потолокъ оштукатурены и отбѣлены, иконостасъ, дотолѣ бѣдно окрашенный въ желтую краску, былъ позолоченъ (въ 1899 г.), а прежнія иконы работы искуснаго живописца уступили мѣсто художественно написаннымъ новымъ, которыя распредѣлены въ лучшемъ порядке (въ 1900 г.); потолокъ и сгѣвы алтаря церкви и трапезы были украшены большими и малыми желѣзовыми клеймами съ живописными священными изображеніями (въ 1901 г.). Церковная утварь и ризница пріумножились и обогатились довольно цѣнными пріобрѣтеніями.

По для о. Михаила храмъ былъ средоточиемъ прихода для молитвы и богообщенія, почему впѣшнее благоустроеніе только способствовало и помогало внутреннему христіанскому созиданію. Въ этомъ отпомѣпіи о. Михаилъ дѣйствовалъ особенно усиленно путемъ церковныхъ службъ; обладая приятнымъ и сильнымъ баритономъ, овъ всегда совершалъ ихъ благолѣпно, съ благочинною истовостю и одушевленіемъ подъемомъ и оставлялъ въ молящихся возвышающее впечатлѣніе.³⁾ Поистинѣ, были умилительны служенія почив-

³⁾ Компетентный товарищъ о. Михаила пишетъ намъ, что „любовь къ пастырскому дѣлу онъ доказывалъ своею службой въ двухъ приходахъ Николаевскаго уѣзда; по отзыву знанийъ его за это время лицъ, онъ былъ строгимъ ревнителемъ церковнаго устава; богослуженіе въ воскресные и праздничные дни не рѣдко кончалось у него около 3-хъ часовъ по полудни“.

Моломская Михайло-Архангельская церковь въ Никольскомъ уѣздѣ, Воло-
годской губерніи. Впереди преемникъ о. Михаила священникъ Н. И. Ржаницынъ.
По фотографическому снимку Н. Головина отъ августа 1902 года.

шаго, а защокойные парастасы, которые столь сильно любилъ и такъ искусно исполнялъ почившій, невольно услаждали всяную болѣзнюющую душу и растворили земную скорбь небесною радостю свѣтлыхъ христіанскихъ уновавій. Къ сему присоединялось, что церковное учительство имѣло въ лицѣ о. Михаила достойнаго выразителя. Обыкновенно крайне сдержаный на слова и мало разговорчивый, почти молчаливый, и всегда какъ будто самоуглубленный,—онъ обладалъ хорошимъ даромъ свободной, простой и убѣдительной рѣчи. Въ ней не было напиреній манерности и виѣшихъ эффектовъ, но она непринужденно текла съ рѣдкою и спокойною плавностью, отличалась ясностью и стройностью мысли и была проникнута трогательностью его благоговѣйной души, устремленной къ Богу. Покойный не оставлялъ безъ такого назиданія ни одной литургіи за всю свою пастырскую жизнь и говорилъ поученія даже при неожиданныхъ служеніяхъ, напр., въ своемъ родномъ Кобыльскѣ, гдѣ онъ долженъ былъ замѣнить своего отца лѣтомъ 1901 г., когда прѣѣхалъ на нѣсколько дней навѣстить близкихъ родственниковъ. Говорилъ о. Михаилъ всегда паузустъ и въ импровизаціяхъ достигъ большого успѣха.⁴⁾

Этимъ, однако, нельзя было ограничиться въ пастырскихъ заботахъ. Требовалось придать мѣры къ тому, чтобы церковные уроки удерживались и закрѣплялись въ душахъ молящихся, а церковная начала проникали всю ихъ жизнь. Съ этой цѣллю о. Михаилъ усердно старался о развитіи церковно школьнаго дѣла и уже 20 сентября 1892 г. открылъ запятія спачала въ крестьянской избѣ ближайшей деревни Шадрихи; чрезъ годъ для школы было готово на самомъ погостѣ собственное зданіе, которое было вполнѣ приспособлено и обставлено, а въ 1900 г. былъ построено по близости школьній пріютъ съ 2 комнатами для учащихся и двумя—для квартиры учительницы. Все это обязало исключительно о. Михаилу, который приносилъ и немало личныхъ материальныхъ жертвъ, покупая на свои средства всякія пособія, бумагу, карандаши, перья и т. д. Успѣхи въ этой области были весьма значительны,—и въ школьномъ журнальѣ мы читаемъ самыя лестныя аттестаціи о. законоучителю какъ начальствующихъ лицъ, такъ и почетныхъ посѣтителей⁵⁾.

⁴⁾ Своихъ проповѣдей о. Михаилъ обыкновенно не записывалъ, однако за Моломскій періодъ обработалъ для печати до 60 поученій и хотѣлъ издать въ особомъ сборникѣ, но усиленія заботы по переходѣ на Кобыльскій приходъ помѣшили воевременному исполненію этого намѣренія.

⁵⁾ Семинарскій товарищъ о. Михаила тоже свидѣтельствуетъ, что „съ горячей любовью относился покойный и къ школьному дѣлу“.

Всюду о. Михаиль работалъ при живомъ со участіемъ прихожанъ и при посредствѣ приходскаго попечительства, которое онъ умѣло организовалъ и направлялъ, какъ предсѣдатель, изыскивая для него доходы устроеніемъ на погостѣ амбаровъ и лавокъ. Частойчиво боролся о. Михаиль съ пороками и суетлѣями и усердно пасаждалъ трезвость, заводя соотвѣтствующіе общества на удобныхъ условіяхъ.

Такъ онъ подвизался на Моломѣ больше десяти лѣтъ и вездѣ оставлялъ благіе плоды трудовъ своихъ. По словамъ мѣстнаго лѣтописца, „все, что мы видимъ выше (въ 1902 году) въ селѣ Моломской Михаило Архангельской церкви, напоминаетъ о заботахъ, усердіи, частойчивости, терпѣліи о. Михаила, вмѣстѣ свидѣтельствуя о великой любви его къ церковному благолѣпію и преданности интересамъ вибренией єму паству“⁶. Личныя качества иочившаго способствовали успѣху⁶), ибо, „имѣя мягкий, добрый характеръ, нѣ не отказывалъ своимъ прихожанамъ и въ материальной помощи, удѣляя пуждающимся изъ своихъ домашнихъ сбереженій зерно, хлѣбъ, деньги; отличаясь неистощимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, онъ всякому проходящему мимо страннику давалъ въ своеѣ домѣ пріютъ“⁷).

О. Михаиль, создавъ Моломскій приходъ, всею душою сродился съ нимъ, гдѣ все устроено имъ съ пожертвованіемъ лучшихъ силъ, при чёмъ, напр., школа всегда была для него „любимымъ дѣтищемъ“. Онъ никогда не помышлялъ переходить на другое мѣсто, хотя бы самое лучшее, и побинулъ Молому вопреки своей волѣ, единственно изъ послушанія родителю, чтобы быть преемникомъ его пастырскаго служенія на родинѣ и мо-

⁶) Не даромъ однѣ родственники писали другому по поводу смерти „дорогого и симпатичнаго“ о. Михаила, что онъ „соединялъ въ своемъ лицѣ, кажется, всѣ лучшія качества двухъ фамилій“...

⁷) Напр., вотъ что пишутъ памъ по этому предмету: „Какъ человѣкъ, о. Михаиль отличался замѣчательнымъ добродушіемъ и незлобіемъ, не любилъ дурно отзываться о комъ-нибудь или злословить. Въ обществѣ больше молчаль и только поддакивалъ, да улыбался разговаривающимъ. Гостепріимства былъ абсолютно рѣдкаго Радъ былъ всякимъ гостямъ, во всякое время и всѣхъ угощалъ самимъ наирадушишими образомъ. Такъ, въ Моломѣ былъ обычай, что даже всякий почтальонъ (—о другихъ, болѣе важныхъ лицахъ, земскому начальнику, врачахъ, становомъ приставѣ, членахъ управы и говорить нечего), когда бы ни проѣзжалъ, всегда останавливался у о. Михаила отдохнуть, закусить и подкрепиться, но иногда изъ-за непогоды или по другимъ причинамъ приходилось запаздывать:— въ такихъ случаяхъ на столѣ у о. Михаила приготавливались и выставлялись закуски, а домъ не запирался, и почтальонъ спокойно шелъ туда хотя бы въ 2—3 часа ночи, угощалъ одинъ, оставлялъ и забиралъ горностаинцю, а затѣмъ—подкрепленный, обогрѣтый и отдохнувшій уѣждалъ далѣ, даже не видать хвоста, которое спили“.

литвеникомъ на могилахъ своихъ предковъ⁸⁾). 5 сентября 1902 года о. Михаилъ былъ назначенъ священникомъ къ родной Кобыльской Ильинской церкви и долженъ былъ разстаться съ дорогимъ ему Моломскимъ приходомъ. Теперь съ особою яркостю сказалась великая взаимная любовь пастыря съ пасомыми и съ окружающимъ духовенствомъ. Прихожане нарочитымъ приговоромъ на сходѣ 17 октября 1902 г. выразили о. Михаилу „сердечную благодарность за всѣ его услуги, труды и заботы по устройству и украсшему приходской Моломской Михайло-Архангельской церкви, по устройству церковно-приходской школы и при ней прюта и другимъ прислужныхъ попечительскихъ строеній“, „за всѣ его услуги по религіозно-правственному образованію при хода и содержанію общества трезвости, а также за сердечное, простое, безвозмездное обращеніе и наставленье прихожанъ въ хозяйственно-материальномъ отношеніи, во все времена служенія въ приходѣ“. Приговоръ этотъ врученъ о. Михаилу чрезъ земскаго начальника и представленъ въ копіи епископу Великоустюжскому. Благочинный ср҃яц. П. А. Молявинъ на прощальной рѣчи своего собрата написалъ совсѣмъ не обычную резолюцію: „съ грустю и тоскою изъ сердца разстаюсь съ вами, о. Михаилъ Васильевичъ, теряя въ васъ доброго товарища и вѣрного сотрудника въ моихъ дѣлахъ. Да будетъ путь вашъ и трудъ на новой вивѣ благословенъ отъ Бога!“ 8 октября 1902 года состоялось послѣднее богослуженіе о. Михаила въ Моломскомъ храмѣ при огромномъ стечениіи народа, къ которому онъ обратился съ трогательнымъ и назидательнымъ словомъ „по праву отца, оставляющаго своихъ дѣтей навсегда“. При этомъ вся церковь буквально рыдала, а самъ ироцовѣдникъ съ трудомъ могъ произносить свою рѣчь, заглушаемый жгучими слезами. Приходъ дѣйствительно провожалъ отца, но хранилъ его завѣты..⁹⁾ Благочинный отъ лица окружнаго духовенства за богослуженіемъ торжественно засвидѣтельствовалъ братскія чувства рас-

⁸⁾ И, дѣйствительно, память умершихъ родственниковъ о. Михаилъ чтили крѣпко и благоговѣйно, а къ живымъ всегда относились съ трогательною любовью и старались вездѣ проявлять ее самимъ дѣломъ, но не словомъ только. Онъ завелъ отдельную поминовѣнную книгу живыхъ и почившихъ родичей и установилъ особые южгодные дни для богослужебныхъ поминовѣній, на какой предметъ образованъ при Кобыльской Ильинской церкви специальный капиталъ.

⁹⁾ Такъ, Моломекіе прихожане дали на 12 лѣтъ приговоръ сбирать съ каждой реформистской души по 1 рублю на пострѣеніе новаго каменаго храма.

и положенія и поченія, а на прощальномъ обѣдѣ это выражалось всѣми участниками въ самой задушевной формѣ.¹⁰⁾

Напутствующий благословеніями и благожеланіями, о. Михаилъ отбылъ къ новому мѣсту служенія въ село Кобыльскъ—Ильинскій, гдѣ вступилъ въ должность священника Кобыльской Ильинской церкви богослуженіемъ 20 октября 1902 года, обратившись къ своимъ новымъ духовнымъ чадамъ съ евангельскимъ привѣтствіемъ (Іоан. XX, 21): „миръ вамъ“. Отозванный съ Моломы не материальными разсчетами, не трудностю и многосложностию заботъ пастырскихъ,—о. Михаилъ и въ Кобыльскѣ продолжалъ трудиться въ прежнемъ духѣ. Во вступительной рѣчи о пастырскихъ зданіяхъ, своихъ воззрѣніяхъ и планахъ онъ говорилъ слѣдующимъ образомъ: „Да будетъ вамъ известно, что мы—пастыри ваши—обязаны, по заповѣди Апостола, учить, священподѣйствовать и управлять. Въ отпошепіи учительства я твердо помню посланіе Спасителя— *shedше на-учите вся языки — и 19 правило 6 Вселенского Собора, а по-тому постараюсь быть учителемъ Божественной истины неиз-наснимымъ и по разуму отцовъ Церкви.* Васть-же прошу не только со вниманіемъ относиться къ слушанію Слова Божія и къ вѣбогослужебнымъ собесѣданіямъ между утреней и обѣдней, но приглашаю къ целѣпостному домашнему чтенію книгу религіозно-православного содержалія и особенно святой Библіи. Священподѣйствовать и управлять я намѣренъ по подражанію родителю своему: и люблю, хочу и долженъ, чтобы богослуженіе всегда совершалось благообразно и по чину, съ должнымъ благолѣпіемъ. Въ дѣлѣ управленія я тоже желаю быть для васъ пастыремъ не души только, но и тѣлъ, быть образомъ *вѣрныхъ словомъ, житиемъ, любовию, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV 12), и служить вамъ, сколько могу, и материально... Взаимная любовь, кротость и смиреніе да царить между нами, страхъ Божій и благочестіе да будутъ спутникомъ нашей жизни, да живемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. II, 2). Прошу и желаю, да будетъ мое служеніе среди васъ, насколько это отъ васъ зависитъ, *въ радость и похваленіе мицъ въ сеинъ вѣкѣ и въ будущемъ, а не въ печаль и вездыханіе* (1 Фессал. II,

¹⁰⁾ О Моломекомъ первомъ см. въ книге: „Моломекий Михаило-Архангельская церковь Вологодской губ. Никольского у., за первый пятнадцатилѣтний периодъ ее существования (1889—1904 г.г.). Составлено изъ основныхъ церковной летописи, кирхиныхъ актовъ и другихъ документовъ. Съ 3 портретами и 7 снимками. С.-Петербургъ 1904“.

Домъ о. Михаила Васильевича Попова съ юго-западной стороны; палѣво большой флигель для его матери, церковная сторожка, Кобыльско-Ильинская церковь и церковно-приходская школа.
По фотографическому снимку Н. Головина отъ понедѣльника 17-го юня 1902 года.

19). Ваше спасеніе есть мое спасеніе и блаженство; ваша погибель грозитъ мнѣ гибелю. Пастыри и пасомые, — вы и я, — суть члены одного духовнаго тѣла, глава котораго Христосъ, верховный Пастырь всѣхъ, а потому прошу васъ, возлюбленные, не переставайте и дома и въ церкви молиться другъ за друга. Станемъ молиться-вы обо мнѣ немощномъ, а я о васъ, чтобы Господь Богъ Свою Божественною благодатию утвердилъ между нами полную любовь и единодушіе. Будемъ просить Господа, да поможетъ Онъ мнѣ Свою всемощною благодатию привести васъ ко спасенію и вѣчному блаженству, возвращая всѣхъ васъ и укрепляя въ вѣрѣ и благочестіи".

Съ такими стремлениями Михаилъ Васильевичъ вступилъ въ новый періодъ своего пастырства. Ему пришлось продолжать дѣло отца, а тутъ трудность заключалась въ томъ, что здѣсь задача высокоя была по самому существу. Почтенный отецъ его, свящн. Василій Михайловичъ Поповъ былъ выдающимся пастыремъ и въ свое мѣсто округъ имѣлъ огромную славу и великий авторитетъ¹¹⁾. Преемникъ вынуждался сразу же вести самую интенсивную работу, начало которой было совершено безъ него и иногда, можетъ быть, не по нему, Надо было войти пушевно въ чужой трудъ, чтобы своими новшествами не нарушить добрыхъ начинаній и какъ-нибудь не затронуть естественную мнительность чтиаго родителя. Создавалось положеніе, психологически трудное вдвойнѣ, — и все дѣло усложнялось въ такихъ интимныхъ сторонахъ, гдѣ всякия препятствія бываютъ упорнѣе и всего медленнѣе устраняются, потому что находятся въ самихъ людяхъ и исчезаютъ только вмѣстѣ съ вими... Правда, на первыхъ порахъ Михаилъ Васильевичъ располагалъ совѣтомъ и опытомъ своего здравствовавшаго отца, но это требовало отъ него болѣтой, деликатной и напряженной выдержки, потому что онъ все-таки не хотѣлъ и не могъ оставаться простымъ исполнителемъ чужихъ предначертаній, а желалъ быть отвѣтственнымъ пастыремъ по долгу службы и по влечению сердца.. Сколько тогда было у почившаго тяжелыхъ внутреннихъ коллизій и мучительныхъ душевныхъ бореній — даже прежде, чѣмъ онъ рѣшался на извѣстный шагъ и принималъ тѣ или иные пастырскія мѣры?!.. У него вѣдь были свои выработанные навыки, нор-

¹¹⁾ См. о немъ книгу: „Знаменательный день въ жизни сельскаго пастыря. Юбилей тридцатипятилѣтнаго служенія въ санѣ священника Василія Михайловича Попова 19-го февраля 1902 года. Съ 2-мя портретами и 3-мя снимками. С.-Петербургъ 1902“. Здѣсь немало данныхъ и для биографіи о. Михаила. Въ приложении помѣщены двѣ рѣчи здравствовавшаго тогда

мы и правила, между тѣмъ надо было сообразоваться съ другимъ уставомъ, установленнымъ укладомъ, не поступаясь въ необходимомъ своимъ методомъ и не обезличиваясь до потери авторитета. Искренняя почтительность и глубокій тактъ сына при мудрости и самообладаніи отца умѣли находить примиреніе и сглаживать шероховатости на пути пастырского служенія. Но 3 августа 1905 года (въ среду) Василій Михайловичъ скончался, — и отныне о. Михаиль оказался одинъ. Конечно, ему стало теперь свободнѣе, за-то самое пастырское дѣло продолжало сохранять многія свойства чужого вдохновенія и не было всесѣльнымъ личнымъ его созданіемъ, какимъ оно являлось на Моломѣ, а о. Михаиль избѣгалъ вносить крутыхъ и рѣзкихъ измѣненія, чтобы не разстроить всей работы.

Въ дальнѣйшемъ мы и видимъ его искусствомъ труженикомъ, при чемъ онъ развивалъ наслѣдіе предшественника, постепенно внося свои улучшенія и обновленія, которыми достигъ огромнаго успѣха¹²⁾. По прежнему о. Михаиль былъ великимъ радѣтелемъ своего родового храма, благоговѣйнымъ и величавымъ совершителемъ службъ церковныхъ, не пропущенныхъ имъ ни разу, неослабнымъ и низилательнымъ проповѣдникомъ, которому съ любовью внимали прихожане, тѣснясь около церковной каѳедры, откуда за каждою литургіей раздавалось его учительное слово, а въ зимнее время между утренею и литургіей всегда вельь вѣбогослужебная собесѣданія, сопровождавшіяся общимъ цѣніемъ собиравшагося народа. Въ пастырско-приходскомъ дѣлѣ для о. Михаила все было одинаково важно, и онъ спѣшилъ на каждую требу немедленно, не смотря на время года, дня или ночи, и никако не соображаясь съ личными удобствами, а нужно замѣтить, что Кобыльские прихожане всѣ требы (кромѣ брако-

сына о почившемъ отцѣ—для характеристики дѣятельности второго и про-
п. вѣдничества первого.

¹²⁾ Это настолько несомнѣнно, что сразу бросалось въ глаза даже постороннимъ наблюдателямъ. Такъ, протоіерей І. И. Тихомировъ, познакомившись съ книжками о юбилеѣ о. Вас. Мих. Ополова и о Моломской церкви, писалъ намъ 9 ноября 1909 г. слѣдующее: „Вѣчная память и отцу и сыну, столь добрымъ подвигомъ подвигавшимся на пивѣ Господней! Вѣчный покой и царство небесное этимъ усерднѣымъ радиѣлямъ духовнаго просвѣщенія вѣрѣніиъ имъ душъ! Нести на своихъ исключительно плечахъ десятки лѣтъ дѣло пастырского воспитанія и школьнаго обрѣзованія прихожанъ, образовать изъ ничтожества, въ трущобной глупинѣ, благоустроенный приходъ—все это есть дѣло великое, многотрудное и посильное только такимъ людямъ, которые во все времена своей дѣятельности твердо вѣрять, что аще не Господъ созиждені.. и хранитъ..., все же трудилася зиждущіи.. и бдѣ стрелій. Благодарю за присылку книжекъ, давшихъ мнѣ возможность близко познакомиться съ приснопамятными служителями Божіими, съ коими буду пребывать въ молитвенномъ общенії“.

Ильинская церковь въ сель Кобыльскомъ (на рѣкѣ Югу) Никольского уѣзда, Вологодской губерніи, съ юго-восточной стороны; за алтаремъ погребены о. Василий Михайловичъ и о. Михаилъ Васильевичъ Поповы (рядомъ), а немнога дальше къ юго-востоку теща Платонида Матвеевна Глубоковская (урожденная Ивановская).

По фотографическому снимку И. Головина отъ почедѣльника 17-го йюня 1902 года.

вънчалій и отпѣваній) привыкли совершать исключительно у себя по ломамъ... И вотъ о. Михаилъ, едва вернувшись изъ одного отдаленаго мѣста, глубокою ночью сейчасъ же устремлялся въ другое, осенью или раннею весной при тамошней распутицѣ часто рисковалъ, но по нуждѣ иногда ходилъ чуть не по колѣни въ водѣ, отъ чего давно простудилъ ноги и схватилъ ревматизмъ. Въ этомъ отношеніи покойный не щадилъ здоровья, работая надъ устроеніемъ своего прихода всѣми путями и средствами. Такъ, онъ учредилъ бесплатную народную библіотеку, куда ежегодно выписывалъ разныя изданія на 40—50 рублей, и чуть-ли не первымъ во всей епархіи ввелъ добрый обычай дарить крещаемымъ наклеенные на картонъ образки съ изображеніемъ соотвѣтствующихъ святыхъ и краткими житіями послѣднихъ наоборотѣ. Въ своихъ пастырскихъ трудахъ о. Михаилъ былъ неутомимъ, не признавалъ для себя болѣзней и всегда работалъ съ обычною спокойною энергией, если не сваливался съ ногъ отъ изнеможенія и истощенія. Тутъ самая сила была для него искушеніемъ. Среднаго роста, плотный и коренастый корпусомъ, темный шатенъ съ широкимъ открытымъ лицомъ и яснымъ взглядомъ,— онъ, ио отзыву Петербургскихъ докторовъ, обладалъ колоссальнымъ организмомъ и, ведя умѣренный, русски-радушный для всѣхъ и простой образъ жизни, легкоправлялся съ обычными болѣзнями и даже тифы вынашивалъ на ногахъ, продолжая исполнять всѣ пастырскія обязанности. Въ ряду послѣднихъ о. Михаилъ съ особеннымъ рвениемъ отдавался церковно-школьному служению, почитая его необходимою частію церковнаго дѣланія настолько, что веснами иногда переходилъ за рѣку Югъ прямо по водѣ, чтобы попасть на свои уроки въ Митепево-Горское училище. Мѣстная церковно-приходская школа получила при немъ широкое развитіе и достигла большихъ успѣховъ, которые съ рѣдкимъ елизовушiemъ удостовѣряются всѣми официальными свидѣтельствами¹³⁾. Зданіе было обновлено и расширило, достаточно снабжено учебниками и всякими вспомогательными пособіями; устроено въ большомъ деревянномъ домѣ от-

¹³⁾ Это видно и по числу успѣшно кончившихъ здѣсь съ аттестатами, хотя испытанія часто производились экзаменационными комиссіями при крайне неудобныхъ условіяхъ. Въ числѣ официальныхъ документовъ можно сослаться на хранящіеся въ статистическомъ отдѣлѣ Училищного Совета въ С.-Петербургѣ отчеты Вологодского Епархиального Наблюдателя, гдѣ имѣются прекрасные отзывы и о Кобыльской школѣ и объ о. Михаилѣ, какъ опытномъ законоучителѣ и заѣдующемъ, при чёмъ восхваляется и хорошая постановка школьнія.

дѣльный пріютъ съ помѣщеніями для дѣтей и для учительницы, при чёмъ для первыхъ варилась похлебка. Заботливо охранялась тѣсная связь школы съ церковю путемъ организаціи систематическаго участія учениковъ въ чтеніи и пѣніи за богослуженіями. Нѣкоторыя деревни отстоятъ далеко отъ ногоста и часть была отрѣзана рѣкою Югомъ. Въ виду сего о. Михаилъ—помимо школы грамоты—устроилъ еще при деревнѣ Митенева Гора особую школу. Много было тутъ тяжелыхъ трудовъ и личныхъ материальныхъ жертвъ, но о. Михаилъ преданно любилъ свое дѣтище, никогда не пропускалъ уроковъ, охотно ѻздила туда за 5 верстъ для звѣдыванія и законоучительства при всякой погодѣ, когда никто другой не рѣшался отправиться „за рѣку“, и продолжалъ нести обязанности уже послѣ того, какъ эта школа (въ августѣ 1908 г.) отошла къ Никольскому земству не совсѣмъ прямymi путями и къ великому душевному огорченію почившаго, котораго свои не поддержали своевременно, а потомъ еще пытались взыскать обратно данные нѣкогда 50 руб., хотя справедливѣе было бы вознаградить его за особую ревность и немалая материальная потеря.. Школьное дѣло было для о. Михаила излюбленнымъ, служило для него источникомъ душевныхъ печалей и чистыхъ радостей,—и онъ, самъ жертвуя отъ своихъ средствъ, привлекалъ къ нему всѣхъ полезныхъ лицъ. Такъ, только по его участію принялъ на себя званіе попечителя церковно-приходскихъ школъ Кобыльского прихода лядя о. Михаила, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскій, который, очевидно, былъ полезенъ, если и Никольское земство постаралось удержать его въ этой должности для отобранный Митенево-Горской школы... Ими обоими совмѣстно были приняты дѣйствительныя реальныя мѣры къ обезспеченію просвѣтительно-церковныхъ успѣховъ въ Кобыльскихъ школахъ,—и будетъ очень жаль, если нарушится доброе фамильное преемство, а появленіе новыхъ людей пріостановитъ дальнѣйшее развитіе церковно-школьныхъ начинаній, зарождавшихся и крѣпшихъ на почвѣ родственного довѣрія... Всѧчески заботясь о воспитаніи добрыхъ нравовъ и устраниеніи пороковъ среди прихожанъ, о. Михаилъ энергично насаждалъ трезвенностъ и въ интересахъ просвѣщенія очень много заботился о церковной библіотекѣ, которая постоянно обогащалась вкладами личными и другихъ (особенно проф. Н. Н. Глубоковскаго). Туда же покойный завѣщалъ и всю свою собственную цѣнную библіотеку.

Домъ о. Михаила Васильевича Попова въ селѣ Кобыльскомъ съ западной стороны; предъ домомъ слѣва младшій (въ семье) братъ его Александръ (сидить), родитель ихъ—о. Василій Михайловичъ Поповъ, мать Агнна Никаноровна и др., а сзади малый флигель и садъ.

По фотографическому снимку Н. Головина отъ понедѣльника 17-го іюля 1902 года.

Мягкий по характеру и незлобивый, онъ покорялъ и обезоруживалъ самыиъ своимъ благолушiemъ и неисчерпаемою доброжелательностью. Доступный и ласковый со всѣми,—о. Михаилъ не измѣялъ своему настроению при самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ. Крестьяне иногда были не прочь воспользоваться этою мягкостю въ своихъ выгодахъ и стѣсняли свой пріѣтъ материально, ограничивая вознаграждевія, отнимая самые необходимые выゴны и т. п., а нѣкоторые занялись даже специальными доносами по начальству,—и послѣднее, къ сожалѣнію, не всегда осмотрительно довѣряло такимъ тенденціознымъ кляузамъ... О. Михаилъ все сносилъ съ незлобивымъ терпѣніемъ. Особенно трудно было ему въ тяжелые годы смуты, когда пропаганда забралась въ эти далекіе края и подняла здѣсь темные силы невѣжества и озлобленія, при чёмъ всѣ деревни забрасывались бесплатными „освободительными“ изданіями. О. Михаилъ былъ совершенно одинокъ, не находя себѣ поддержки даже въ ближайшихъ своихъ помощникахъ, державшихъ себя дипломатично или нимало ему не сочувствовавшихъ. Тѣмъ не менѣе онъ оставался непоколебимъ и твердо выдержалъ ужасный настискъ деревенской анархіи, не уступивъ ни на шагъ въ своемъ великомъ служевіи пастыря Христова и русского гражданина патріота, хотя это больше всего внутренно истощало его. Для него утѣшениемъ было самое дѣло и умственный трудъ любознательного человѣка, который всѣмъ интересовался съ неослабнымъ вниманіемъ и обладалъ большими духовными пріобрѣтеніями въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ.

Среди собратьевъ почившій пользовался въ своемъ окружѣ рѣдкою любовью и большимъ уваженіемъ за свой свѣтлый умъ, добрый характеръ и пастырскій авторитетъ; его голосъ всегда имѣлъ особый вѣсъ на всѣхъ пастырскихъ собраніяхъ, а его уравновѣшенней опытаности довѣрялись самыя тревожныя и затруднительныя дѣла, напр., слѣдственного характера.¹⁴⁾ Не даромъ же

14) Такъ, о. Михаилъ пѣсколько разъ подъ рядъ избирался депутатомъ по слѣдственнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ. Эта должностъ была особо трудною, ибо приходилось судить своихъ же собратьевъ и разоблачать темные стороны, погружаясь въ разныя дряги, не говоря о томъ, что поглощалась масса времени и немало средствъ. Въ примѣръ энергіи и независимости о. Михаила упомянемъ, что еще въ 1909 г. онъ долженъ былъ хватать великимъ постомъ за 160 верстъ въ Ламенгу и разбирать жалобу въ Св. Синодъ 412 человѣкъ прихода на священника и благочиннаго. Потрачено было цѣлыхъ двѣ недѣли самого дорогого времени, но о. Михаилъ не пожалѣлъ силъ, чтобы изслѣдоввать до корня, и въ огромномъ представлѣніи отъ 20 марта па 50 листахъ не побоялся мужественно разоблачить что тутъ была лишь „кляуза озлобленныхъ революціонеровъ“.

ближайшее духовенство проводило нокойного въ могилу съ такою величественною и трогательною торжественностью.

Такъ, въ молитвѣ, учении и трулѣ жилъ о. Михаилъ въ Кобыльскѣ, работая для Бога, но не находя и не ища виѣшнихъ отлій¹⁵⁾). Но всему думалось, что ему предлежало долгое жизненное поприще, ибо здоровье его казалось несокрушимымъ и, дѣйствительно, съ успѣхомъ боролось со всѣми открытыми нападеніями. Но подкрался врагъ внутренній и незримо навелъ свою губительную работу. О. Михаилъ сталъ рано серебриться преждевременною сѣдиной, и чуткая прозорливость матери давненько предвидѣла роковой исходъ. Минувшимъ лѣтомъ дѣло стало столь скверно, что всѣ близкіе родные были уже охвачены тревогой и печальными ожиданіями¹⁶⁾. Однако болѣй, зная и чувствуя это, съ героическимъ мужествомъ исполнилъ всѣ трудныя обязанности не только по своему приходу¹⁷⁾, хотя не рѣдко, приля изъ церкви домой, буквально падалъ съ ногъ, а внутренняя дрожь до такой степени потрясала его организмъ, что среди лѣта онъ принужденъ былъ ходить въ зимней одеждѣ. Къ сожалѣнію, мѣстные локгора не поняли всей важности страшнаго недуга и (до дальности разстоянія) отказывались навѣщать, считая данный случай амбулаторнымъ, вообще же ограничивались совершенно паліативными мѣдрами и средствами. Лишь 27 августа наиболѣе опытный врачъ мужественно засвидѣтельствовалъ свое познаніе и посовѣтовалъ отправиться въ С.-Петербургъ. 29 числа о. Михаилъ навсегда покинулъ свой

¹⁵⁾ Съ этой стороны можно отмѣтить лишь слѣдующее: 31 марта 1879 г. о. Михаилъ награждент набедренникомъ за усердную и полезную пастырскую службу, а за таковую же по должностіи законоучителю и завѣдующему Моломской школой получиль отъ Никольского отдѣленія Велико-Устюжскаго Стефано-Прокопіевскаго Братства письменную благодарность, утвержденную Совѣтъмъ Братства и Преосвященнымъ 20 октября 1899 г.; въ 1902 году 2 апрѣля преподано благословеніе Его Преосвященства съ выдачею установленнаго свидѣтельства: къ 5 мая 1904 г. за отлично-усердную службу награждень бархатцю фиолетовою скудью. Состоять дѣйствительнымъ членомъ Никольского Комитета Попечительства о народной трезвости, 9—22 апрѣля 1902 г. избрачию по жизненному членомъ Парижскаго Общества имени Валентина Гая о стѣныхъ и имѣлъ свидѣтельство отъ 31 августа 1903 г. па право ношения Высочайше утвержденнаго знака за свыше десятилѣтніе труды по званію корреспондента сельскаго отдѣла Министерства Землемѣдѣлія и Государственныхъ Инициативъ.

¹⁶⁾ Дѣло было тѣмъ хуже, что сильно хворала и жена о. Михаила, по чому 5 августа послѣдній писаль своему брату о. Николаю въ Біаррицъ, что она или одовѣсть или самъ скоро помрѣтъ отъ той же болѣзни, какъ и родитель (у которого предполагали ракъ)...

¹⁷⁾ Такъ, еще 20 августа онъ былъ на съездѣ духовенства въ Кичменгскому Городку (за 22 версты отъ Кобыльска), а 23 числа написалъ памъ обширное дѣловое письмо, гдѣ бодро говорилъ о своихъ пастырскихъ трудахъ и лишь мелькомъ упоминалъ, что „ежедневно чувствуетъ боль въ головѣ и желудкѣ, который вообще неисправенъ“.

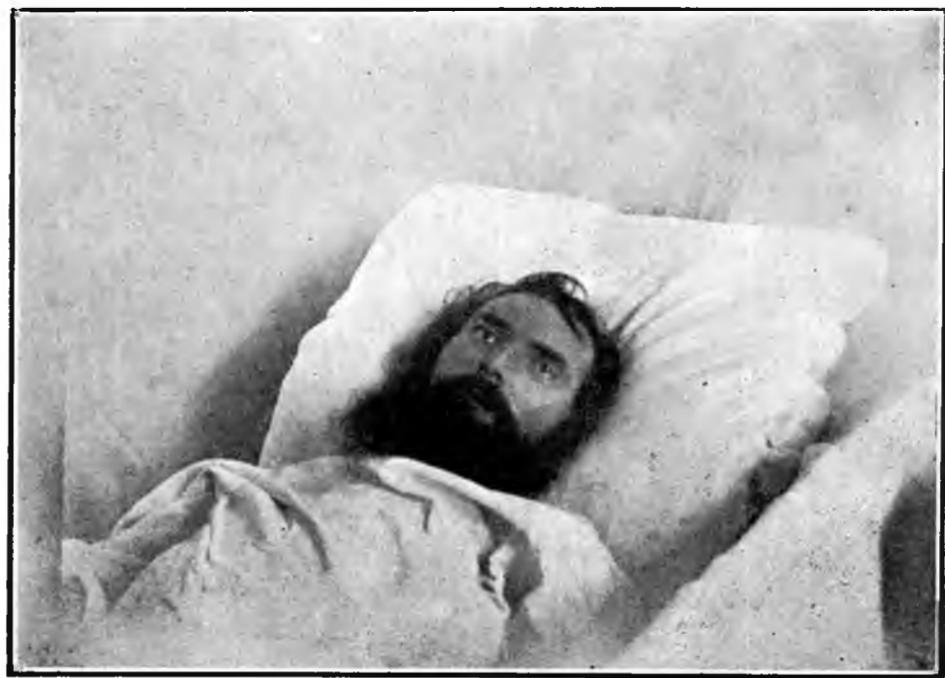
домъ и прихолъ, оставивъ престарѣлую матеръ, серьезно больную супругу (Александру Васильевну, урожденную тоже Попову) и двухъ дочерей — малютокъ (Фаину и Анну). Въ столицу онъ прибылъ только 6 сентября. Положеніе его было тогда настолько плохо, что нельзя было и представить, какъ онъ могъ совершить это далекое путешествіе — на лошадяхъ по крайне неудобнымъ путямъ, въ большой тѣснотѣ на микроскопическомъ пароходикѣ и по желѣзной дорогѣ, гдѣ почью, обрываясь при спускѣ изъ вагона, приходилось переходить съ багажемъ нѣсколько верстъ (по слухамъ сгорѣвшаго моста). Величайшее терпѣніе требовалось здѣсь со стороны больного. У него былъ огромный, страшно болѣзнетный парывъ на животѣ, и обнаружилось невыразимо мучительное воспаленіе въ лѣвой ногѣ. Трудно и опасно было тронуть его съ места, почему для перевозки даже по торцовой мостовой съ Невскаго проспекта до Литейнаго понадобилась особая приспособленная „санитарная карета скорой помощи“, куда 8 сентября о. Михаилъ отнесенъ былъ изъ квартиры дяди на посыпкахъ и затѣмъ помѣщенъ въ отдѣльную комнату при 11-й цалатѣ хирургическаго отдѣленія Маринской больницы. 9 числа сдѣлалъ ему операцию вскрытия абсцесса главный врачъ этого отдѣленія Dr. Григорій Алексѣевичъ Свіаждениновъ, при чемъ выпущено около 4 фунтовъ гноя. Больному сразу сдѣлалось лучше, и всѣ окрылились светлыми надеждами. Но онъ самъ, повидимому, не вѣрилъ этому, и 18 сентября, прощаясь съ отѣзжавшими домой своими родственниками провожатыми (о. Викториономъ и Александрой Ржаницыными), заливался горькими слезами, а потомъ не разъ говорилъ петербургскимъ роднымъ о перевозкѣ тѣла его на приходъ, высказывая подозрѣніе о присутствіи у него рака. Послѣднему заявленію никто не придавалъ значенія, и врачи предполагали скорое поправленіе. Но назначенные для вставания и сидѣнья сроки проходили, между тѣмъ о. Михаилъ не могъ приподняться и замѣтно для всѣхъ сталъ слабѣть и гаснуть. Послѣ 20 сентября послышались зловѣщіе намеки, а 25 числа вечеромъ категорически предупредилъ объ опасности протоіерей Маринской больницы Константинъ Иоанновичъ Знаменскій, все время принимавший въ больномъ самое горячее участіе съ братской любовію и христіанскимъ самоотверженіемъ. Наконецъ, 2 октября главный врачъ Маринской больницы Dr. Алексѣй Алексѣевичъ Троицковъ сообщилъ дядѣ о. Михаила, проф. Н. Н. Глубоковскому, рѣшительный приговоръ, что у больного ракъ, и онъ умретъ отъ.

этого безусловно. Домашнимъ роднымъ немедленно посланы телеграммы, которыя особенно были страшны для нихъ своею роковою неожиданностю послѣ прежнихъ успокоительныхъ извѣстій, а въ 7-му октября вызваны изъ Вологды два сына—воспитанники 5 и 2 классовъ Духовной Семинаріи Василій и Николай Поповы, которыхъ онъ въ первое мгновеніе—послѣ перевязки—не призналъ, но потомъ ласково благодарилъ: „Спасибо же вамъ, дѣтки! При всѣхъ мнѣ все таки полегче“. Больной, уже не разъ пріобщавшійся св. таинъ, 4 октября былъ напутствованъ таинствомъ елеосвященія, совершеннымъ прот. К. И. Знаменскимъ и его, (о. Михаила) роднымъ братомъ свящ. Константиномъ Васильевичемъ Поповымъ, при участіі іеродіакона Александра Невской лавры Валеріана, послѣ чего онъ, благоговѣйно перекрестившись, твердо сказалъ: „Слава Богу! Теперь мнѣ можно умереть спокойно!“ и впослѣдствіи неоднократно повторялъ эти слова. Днемъ того же числа о. Михаилъ слабѣющею рукой написалъ на имя своей больной жены трогательное письмо слѣдующаго содержанія:

„Прошу всѣхъ и молю—непрестанно молиться о мнѣ грѣшномъ. Васю, Колю, Фаню и Анюту (дѣтей своихъ) цѣлую и благословляю, прося ихъ маму не забывать и всегда слушаться. Посылаю свое благословеніе и всему Кобыльскому приходу. Живите всѣ съ Богомъ: въ мирѣ, согласіи и любви и помолитесь за меня грѣшнаго. Мамашу (т. е. свою мать) цѣлую и благословляю. О. Викторинъ (Ржавицкынъ) и (жена его, сестра почившаго) Саша пускай не забываютъ меня грѣшнаго въ своихъ молитвахъ. Цѣлую дѣтей, Сашу (жену), мамашу и тету (престарѣлую Марею Михайловну Попову). О. Діакону, псаломщику, школѣ и сторожамъ привѣтъ. Любящій и благословляющій Поповъ Мих “¹⁸).

Послѣ этого окончательно оставила больного всякія житейскія попеченія, о которыхъ онъ и прежде говорилъ крайне рѣдко, хотя весьма интересовался приходомъ, церквю и школами и требовалъ о нихъ съ мѣста точныхъ и подробныхъ донесеній. Больной ушелъ въ себя и сосредоточенно молчалъ, изрѣдка бредилъ разными путешествіями и постоянно крестился, самъ же додрогалъ и тягъ, какъ чистая свѣча предъ Господомъ. Крѣпкій организмъ голодалъ и развивалъ большой аппетитъ, а пріемы пищи и питья способствовали лишь дальнѣйшему ослабленію,

¹⁸ Въ этомъ же тона о. Михаилъ писалъ своему брату о. Николаю 22 сентября и 3 и 12 октября, тяготясь лишь своимъ бездѣйствиемъ, что „Богъ привелъ мнѣ за грѣхи лежать въ больницѣ“; „не видя конца своему лежанію“, онъ просилъ: „простите Бога ради и помолитесь за меня грѣшнаго“.

О. Михаилъ Васильевичъ Поповъ на койкѣ въ комнатѣ при палатѣ № 11 хи-
рургическаго отдѣленія Мариинской Больницы г. С.-Петербурга 15-го октября
1909 года (четвергъ).

По снимку его брата о. Константина В. Попова.

О. Михаилъ Васильевичъ Поповъ на койкѣ въ комнатѣ при палатѣ № 11 хирургическаго отдѣленія Мариинской Больницы г. С.-Петербурга 15 октября 1909 года (четвергъ); надъ головою видны изображеніе св. Анны Кашинской и еще выше—

разграфленный листъ для больничныхъ отмѣтокъ.

По снимку его брата о. Константина В. Попова.

потому что все приятое вскорѣ мучительно извергалось рвотой. О. Михаилъ очень страдалъ, но долго не проявлялъ этого громкими вздохами и всегда заботился единствено о томъ, чтобы не побеспокоить даже больничную прислугу. Лишь съ октября послышались стоны, которые постепенно учащались и усиливались. Замѣчалось иногда ослабленіе памяти, но вообще сознаніе было ясное, и еще 15 октября онъ выгляделъ весьма бодрый на снятой тогда братомъ его о. Константиномъ фотографіи и вечеромъ написалъ въ благословеніе своимъ малюткамъ — дочерямъ иконки св. Александра Невскаго и Казанской Божіей Матери. Большого непрерывно навѣщали и всячески облегчали родные, а дѣти дежурили каждый день все время, пока позволяли больничные порядки, но часто заходили просто знакомые о. Михаила и его родственниковъ (проф. Александръ Александровичъ Бронзовъ, Иванъ Ивановичъ Голубевъ, проявлявшій самую дѣятельную и сердечную заботливость, земляки — членъ Г. Думы прот. Алексѣй Алексѣевичъ Поповъ и свящ. Михаилъ Степановичъ Поповъ). Утѣшали его и вѣсти отъ родныхъ, письма которыхъ онъ перечитывалъ иногда по десятку разъ и часто засыпалъ съ ними въ рукахъ. Много и душевно заботились о немъ благостный протоіерей К.І. Знаменскій и іеродіаконъ Александро-Невской Лавры Валеріанъ (въ мірѣ Василій Григорьевичъ Храбровъ); послѣдній лежалъ въ томъ же хирургическомъ отдѣленіи Мариинской больницы послѣ тѣже ой операциіи слѣдилъ за о. Михаиломъ съ самого поступленія его туда, а потомъ перебрался къ нему въ комнату и ухаживалъ съ вѣжною внимательностю до самаго своего выхода, 8 октября¹⁹⁾). Врачебный персоналъ относился предупредительно, а младшій докторъ отдѣленія изъ Вологодскихъ семинаристовъ Сергій Константиновичъ Андроновъ, доколѣ не былъ переведенъ на терапевтическое отдѣленіе, самолично дѣлалъ всѣ сложныя перевязки, которая были столь мучительны, что, напр., послѣ одной изъ нихъ болѣй, видя предъ собою только что прѣѣхавшихъ изъ Вологды сыновей, не сразу могъ узнатъ ихъ. Больничный уходъ былъ достаточно тщательнъ, — и у о. Михаила послѣ смерти не оказалось пролежней, хотя съ вѣчера 8 сентября онъ уже не спускалъ ногъ съ койки. Не смотря

¹⁹⁾ Послѣ этого о. Михаилъ остался и долженъ былъ ночевать одинъ, почему изъ предосторожности, чтобы онъ ночь не свалился съ койки, по длине послѣдней съ лѣвой руки была прикреплена доска, завѣшенная простыней, а направо находилась стѣна больничной комнаты при парадѣ № 11 хирургического отдѣленія Мариинской больницы. Въ такомъ видѣ о. Михаилъ и былъ снятъ о. К. В. Поповымъ днемъ 15 октября 1909 г. (въ чет-

на исѣ эти попеченія, слей жизни изсякалъ неудержимо, по здо-
ровый организмъ и на рѣдкость крѣнкое сердце героически бо-
ролись, поддерживаемые частыми вспрыскиваніями подъ кожу ожив-
ляющихъ растворовъ (камфоры, опія). Однако 18 октября о. Михаилъ былъ уже живымъ мертвѣцомъ и ослабѣлъ до того, что не
могъ откусить отъ цѣльнаго яблока, а 19-го только стоналъ и
непрерывно крестился. Зрѣніе и слухъ сильно понизились, но при
напряженіи больной всѣхъ узнавалъ и еще вечеромъ на вопросъ
сестры милосердія о стоявшемъ предъ нимъ юношѣ твердо отвѣ-
тилъ: „это мой сынъ, миленікій Коля“. Ночью стало ему со-
всѣмъ плохо, и съ утра онъ уже не открывалъ глазъ, тяжело сто-
налъ, изрѣдка ворочался и двигалъ правою рукой, со сложен-
ными для крестнаго знаменія перстами; для облегченія дыханія
приходилось давать кислородъ. Была несомнѣнная агонія, и тѣмъ
не менѣе у больного еще теплилась искра сознанія, потому что
въ $2\frac{1}{2}$ часа пополудни, когда лаялъ его, проф. Н. Н. Глубо-
ковскій, щоцѣловалъ въ уста и прещался, о. Михаилъ похоло-
дѣвшую рукой слабо благословилъ. Была прочитана отходная
о. К. И. Знаменскимъ, который, простудившись среди своей тя-
желой и нервной службы, самъ былъ боленъ и вечеромъ слегъ
въ постель отъ воспаленія легкихъ, но и тогда не прекращалъ
своихъ заботъ софтами и распоряженіями чрезъ своихъ дѣтей²⁰).
Къ пяти часамъ 20 октября страшавія о. Михаила прекрати-
лись, онъ уснокоился и въ 5 ч. 40 м. тихо скончался въ при-
сутствіи своихъ дѣтей ровно чрезъ 7 лѣтъ по вступленію на Ко-
быльскій приходъ и послѣ 20 лѣтъ безъ 5 мѣсяцевъ служенія
церкви Божіей въ священномъ санѣ, имѣя 40 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 12
дней отъ роду. Онъ точно заснулъ и — вѣримъ — заснулъ сномъ пра-
веднѣка, вошедшаго въ покой Божій. Скончався вмѣль — исполни-
лось дома; угодна бо бѣ Господеви душа его (Прим. Солом. IV, 13—14).

Врачебная экспертиза установила теперь смерть отъ саркомы
(или подзучаго рака) бедра, при чемъ разрушены всѣ поджелу-

вергъ), или всего лишь за 5 сутокъ до смерти, при чемъ въ изголовья выши-
ли изображеніе св. Анны Кашинской и болѣничный разграфленный листокъ
съ отмѣтками температуры и перевязокъ, а выше была укрѣплена желѣзная
черная доска съ надписью блѣю краской имени лѣтъ о. Михаила и его бѣ-
лѣзии: *abcessus abdominis*, т. е. парсы на животѣ.

²⁰) Между прочимъ трогательно, что онъ не только не принялъ даже
 $1\frac{1}{2}$ рублей въ кружку за вѣкоторые расходы по панихидамъ, но возвра-
тилъ ихъ отъ себя „на счастье дѣтей“ о. Михаила“ особыми „ларскими день-
гами“ (которые чеканятся исключительно для Государя на подарки, тща-
тельно отдѣлываются и шлифуются отъ руки).

дочиня ткани, и гнойная матерія проложила свой выходъ наружу чрезъ всю брюшную полость на поверхность живота около грудной клѣтки, тѣсно сочилась непрерывно, останавливаляемая тампонами и перевязкой, въ которой почившій положенъ и во гробъ.

Тѣло было перенесено въ больничную часовню и 21 октября обряжено по іерейскому чину въ свѣтлое глазетовое облаченіе братомъ почившаго свящ. К. В. Поповымъ при участіи старшаго больничнаго дьякона Симеона Георгіевича Скоропостижнаго. Умерший вдали отъ родинѣ, о. Михаилъ принялъ послѣдніе дары и благословенія самыхъ близкихъ ему лицъ: на него надѣта сорочка его родителя и возложенъ тѣлъный крестъ, который его мать три года тому назадъ благословила своего брата, а подъ подушки спрятаны лента и цвѣтокъ изъ гроба его отца, сохранившіеся у проф. Н.^о Н. Глубоковскаго. По церковному чину тѣло положено въ цинковый гробъ, приспособленный для дальней перевозки (и съ устроеннымъ надъ головой во внутренней цинковой крышѣ скеклиннымъ оконечкомъ, покрытымъ при послѣдней запайкѣ воздухомъ), такъ какъ о. Михаилъ выразилъ неизреклонную волю быть погребеннымъ на своемъ родномъ приходѣ, гдѣ давно избралъ себѣ място рядомъ съ могилою своего отца и по близости отъ бабушки, Платонилы Матвѣевны Глубоковской. Затѣмъ совершились панихиды, ибо отпѣваніе предположено было на родинѣ. Въ служеніяхъ — кромѣ брата почившаго, о. К. В. Попова, и больничныхъ діаконовъ С. Г. Скоропостижнаго и младшаго Алексія Ioannovica Волкова — принимали участіе священникъ Балтійскаго завода въ С.-Петербургѣ о. Михаилъ Степановичъ Поповъ, членъ Госуд. Думы Лальскій протоіерей Алексій Алексѣевичъ Поповъ, помощникъ предсѣдателя Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ прот. Ioannъ Ильичъ Тихомировъ, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи и настоятель церкви Кавалергардскаго полка, митрофорный протоіерей Евгений Петровичъ Аквилоновъ, членъ Государственнаго Совѣта заслуженный профессоръ Харьковскаго Университета, митрофорный протоіерей Тимоѳей Ивановичъ Буткевичъ; приходили отдать послѣдній долгъ и іеродіаконъ Валеріанъ. Особенно торжественно былъ отправленъ вечеромъ 22 октября любимый почившимъ заупокойный парастасъ, который совершили протоіереи Е. Н. Аквилоповъ и Т. И. Буткевичъ виѣстѣ съ о. К. В. Поповымъ. 23-го октября, въ пятницу, въ два часа совершена протоіеремъ Т. И. Буткевичемъ и И. И. Тихомировымъ и свящ. К. В. Поповымъ прощальная панихида, и за-

тѣмъ похоронная процессія направилась по Невскому проспекту на Николаевский вокзалъ. Во главѣ процессіи шелъ въ митрѣ о. Т. И. Буткевичъ. Былъ сумрачный и сырой день. Колесница медленно двигалась подъ трогательные напѣвы пѣвчихъ. Количество провожавшихъ родныхъ и знакомыхъ увеличивалось присоединившимися изъ публики. У Знаменской Входо-Иерусалимской церкви процессія встрѣчена со звономъ, вышелъ самъ настоятель протоіерей Павелъ Ноташовичъ Космодемьянскій вмѣстѣ съproto діакономъ и совершилъ торжественную литію при огромномъ стечії народа. На вокзалъ прибыли уже въ 3 часа. Въ вагонѣ прот. Т. И. Буткевичъ еще разъ совершилъ краткую литію, всѣ присутствующіе пропѣли дорожному о. Михаилу „вѣчную память“ и простились съ нимъ окончательно. Гробъ былъ запаянъ и съ поѣздомъ въ 12 ч. 20 м. ночи отправленъ въ сопровожденіи дѣтей чрезъ Вологду и Вятку до ст. Пинюгъ и оттуда лошадьми на родину, чтобы здѣсь могила о. Михаила была отъ него наилучшимъ утѣшеніемъ и поученіемъ для родныхъ и прихожанъ на всѣ поколѣнія, какъ выражился самъ почившій въ своей рѣчи на одной изъ панихидъ по своему родителю.

Глубоко скорбящіе родственники²¹⁾ и знакомые съ большою тревогой проводили тѣло дорогого покойника, опасаясь за

¹²⁾ Не малымъ тѣшениемъ для нихъ могутъ служить выраженія сочувствія съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Такъ, архіепископъ Варшавскій и Привилегійскій Николай (Зіоровъ), бывшій при почившемъ въ Вологодской духовной семинаріи инспекторомъ, записалъ его въ свой помянникъ. Виенненъ почившій и въ липтихъ Іоанно-Богословской церкви при родной ему Вологодской духовной семинаріи Тропатеріальный соболѣзванія заявили Н. Н. Глубоковскому профессоръ Лейпцигскаго Университета Caspar René Gregory и іеродіаконъ Новоафонскаго монастыря Патрикій (Кривошановъ), аепископъ Кронштадтскій Владиміръ (Путата) письмомъ изъ Парижа 10—23 ноября о. Ник. Вас. Попову: „соболѣзну Вамъ и усердно молюсь о упокоеніи души усопшаго іерея Михаила“. Газета «Le Memorial des Pyrénées», издающаяся въ По (губернскомъ городѣ департамента Нижнихъ Циренеевъ), гдѣ о. Николай состоять священникомъ местной православной русской церкви, напечатала въ № 274 за 21 и 22 ноября 1909 г. такую некрологическую замѣтку (стр. 2, столб. 3): „Съ живыми прискорбіемъ узнали мы о постигшемъ господина настоятеля православныхъ русскихъ церквей въ По и Биаррицѣ печали вслѣдствіе недавно случившейся въ С.-Петербургѣ смерти его брата, высокопреподобного о. Михаила Попова, послѣ кратковременной, но тяжкой болѣзни. Мы просимъ Его Высокопреподобіе о. Николая Попова принять выраженіе нашихъ искреннихъ соболѣзваній“.

Въ подлиннике такъ: «C' est avec un vif regret que nous apprenons le deuil qui frappe M. l' automnier des églises russes orthodoxes de Pau et Biarritz, en la personne de son frère, le Très Révérend Père Michel Popoff, décédé il y a quelques jours à Saint-Pétersbourg, après une courte, mais cruelle maladie. Nous prions son frère, le Très Révérend Père Nicolas Popoff d' agréer l' expression des nos sincères condoléances».

благополучное слѣдованіе по причинѣ неудобствъ и дальности сообщенія — свыше $1\frac{1}{2}$ тысячъ верстъ, изъ коихъ около 130-ти надобно было сдѣлать позднею осеннею порой по сквернѣйшимъ дорогамъ, да еще дважды переѣзжать черезъ рѣку. Но Господь былъ милостивъ къ почившему служителю Своему и благоустроилъ послѣдній его путь къ мѣсту вѣчного упокоенія ²²⁾). 26 октября (понедѣльникъ) раннимъ утромъ вагонъ съ прахомъ о. Михаила прибылъ на станцію Сѣверныхъ жел. дорогъ „Пинюгъ“, откуда черный ящикъ, съ гробомъ внутри, того же числа отправленъ въ Пушму (25 верстъ), а здѣсь былъ принятъ на высланныя изъ дома подводы и двинулся дальше чрезъ Подосиновецъ (52 версты) въ Яхрепыгу (65 верстъ отъ Пинюга и 57 до Кобыльска). Священникъ Яхренъгской Богоявленской церкви о. Димитрій Андреевичъ Прокошевъ, освѣдомленный заранѣе, нарочито совершилъ по почившемъ собратѣ заупокойное богослуженіе въ день слѣдованія тѣла, которое — по прибытіи — было завезено въ церковную ограду и напутствовано литіемъ. Причтъ въ полномъ составѣ съ хоругвями и иконами почтилъ о. Михаила торжественными проводами до деревни Стулина (въ 2-хъ верстахъ отъ церкви). Къ селу Утманову — Ильинскому, где однимъ изъ (двухъ) священниковъ служить свойякъ покойного о. Викторинъ Философовичъ Ржаницынъ, тѣло прибыло 27 октября (вторникъ въ 2 часа дня), встрѣчено было всѣмъ причтомъ во главѣ съ настоятелемъ о. Николаемъ Алексѣевичемъ Поповымъ (у которого почившій исповѣдался предъ отправлениемъ въ С.-Петербургъ) верстахъ въ 2-хъ отсюда съ колокольнымъ звономъ, а въ церковной оградѣ отправлена литія. Въ 5 часовъ вечера Утмановскимъ причтомъ совершено было заупокойное всенощное (дѣніе, и затѣмъ тѣло подъ церковный звонъ послѣдовало впередъ, предшествуемое иконами. Въ такомъ видѣ оно прибыло въ 11 часовъ дня въ среду 28 октября въ Сушники — первую по дорогѣ деревню Кобыльского прихода (въ 3 верстахъ отъ церкви) — и встрѣчено крестнымъ ходомъ. Заранѣе поспѣвшій сюда о. Викторинъ Ржаницынъ совмѣстно съ Кобыльскимъ причтомъ (діакономъ Александромъ Николаевичемъ Волокитинымъ и псаломщикомъ Геннадіемъ Алексѣевичемъ Поповымъ) совершилъ литію при большомъ стеченіи народа и при полномъ составѣ учащихся Митешево-Горскаго земскаго училища съ учителемъ Аѳанасиемъ Іоно-

²²⁾ Дальнѣйшее сообщается на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ съ мѣста разными лицами.

вичемъ Фалалѣевымъ. Тутъ, на границѣ родной территории земного бытія и пастырского служенія почившаго настоятеля Кобыльской Ильинской церкви, о. Викторинъ сказалъ трогательную рѣчь съ умилительнымъ привѣтомъ отъ имени прихожанъ и близайшихъ родственниковъ, впервые увидѣвшихъ здѣсь дорогого покойника. Бѣлый глазетовый гробъ, на которомъ была укрѣплена находившаяся еще въ Маріинской больнице икона Коневской Божіей Матери со свѣчкою дяди отъ послѣдней літіи въ С.-Петербургѣ уже въ самонѣ вагонѣ, теперь вынули изъ ящика, и потомъ онъ былъ несенъ на рукахъ прихожанами въ сооруженіе учениковъ и при цѣнѣ церковныхъ пѣснопѣній. Съ этого момента все время съ церковной колокольни непрерывно производился звонъ. При деревнѣ „Митенева Гора“ (5 верстъ отъ села), гдѣ столь много, самоотверженно и благородно потрудился о. Михаилъ для школьнаго просвѣщенія, опять была отслужена літія противъ Митенево Горскаго земскаго училища по его гостномъ законоучителю. Затѣмъ крестный ходъ направился „боромъ“ къ самому селу, — и вотъ въ 2 часа аспаго осеннаго дня почившій оказался снова на берегу рѣки Юга въ родвомъ Кобыльскѣ, но лишь затѣмъ, чтобы получить послѣднія молитвенные напутствія въ своей церкви среди близкихъ ему по илоти и духу — родныхъ и прихожанъ. Горестные вопли осиротѣвшихъ матери, сейчасъ только увидѣвшій прахъ своего старшаго сына, супруги и дѣтей, юныхъ и малыхъ, смѣшивались со слезами и стенаніями многочисленнаго народа.. Невыразимо тяжело было слышать, какъ дѣвочки — сиротки звали资料其父, а младшая крошка все хотѣла, чтобы она покачала ее на колѣвяхъ.. Ихъ паническая рѣчи и звонкій плач вызывали жгучую боль и раздирали душу всѣхъ до самаго погребенія, а послѣ него продолжаютъ болѣе умиротворенно окружать дорогую могилу.²²⁾ Боль сердца растворялась лишь молитвою христіанской вѣры и свѣтлой надежды. Съ такими чувствами торжественно встрѣтила съ колокольнымъ звономъ, иконами и хоругвями Кобыльская церковь своего достойнаго настоятеля по перекозѣ чрезъ рѣку Югъ. Тутъ тестемъ почившаго о. Василиемъ Титовичемъ Поповимъ совершена літія, которая была повторена и у святыхъ вратъ церковной ограды вблизи церковно-приходской Кобыльской школы, всецѣло обязанной о. Михаилу своимъ процвѣтаніемъ. Засимъ тѣло внесено

²²⁾ Умилительно слышать, что дѣвочки ежедневно ходятъ ио утрамъ на могилу будить своего нашу и помолиться о немъ.

было въ домъ, благоустроенный заботами почившаго. И вотъ о. Михаиль опять въ своей залѣ подлѣ рабочаго кабинета среди родныхъ, но—увы!—безгласный и безыханий. Щемящая грусть невольно охватывала всѣхъ присутствующихъ и рѣкой полились горькія слезы осиротѣвшихъ. Великимъ утѣшеніемъ для нихъ было взглянуть на логоріа имъ черты незавѣннаго іерея Михаила,—сына, мужа, отца и настыря,—и это было дозволено потому, что отпѣванія пока не совершилось и преданія землѣ еще не послѣдовало. Въ цинковой крышѣ гроба, которая сверху покрывалась деревянной, было вѣлано (въ мастерской А. М. Козлова) надѣ самою головою стекло, и чрезъ него очившій видѣній былъ почти до пояса. Когда снимали „воздухъ“ со стекла, всѣмъ сразу открывался знакомый образъ. Тѣло сохранилось съ замѣчательною неприкосновенностью. О. Михаиль лежалъ, немного повернувшись головою въ лѣвую сторону, со спутавшимися спустившимися прядями волосъ на лбу; выраженіе лица со впалыми закрытыми глазами—сосредоточенное и спокойное, а его блѣдность вполнѣ подходила къ худобѣ. Не чуялось дыханія смерти и разложенія, ибо такимъ же покойный высматривалъ по виѣности и въ Мариинской больнице за послѣдніе дни до кончины. О. Михаиль во истину точно сналъ, почивъ сномъ праведника. Собравшіеся священники отслужили литію и стали читать Евангеліе до 5 часовъ вечера. Въ это время послѣдоваль заупокойный благовѣстъ ко всенощной. Теперь всѣмъ священниковъ²⁴⁾ совершили панихиду при участіи двухъ діаконовъ²⁵⁾ и мѣстнаго псаломщика,—и тѣло на рукахъ духовенства съ горугвями среди массы народа и при колокольномъ звонѣ было вынесено въ храмъ подъ звуки священныхъ ѿнощній. Въ нижней церкви—послѣ панихиды—торжественно совершено заупокойное бдѣніе по пастасу—съ иѣніемъ и чтеніемъ канона, при чёмъ духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ выходило на средину и, окруживъ гробъ, молилось у него во все время пѣнія заупокойныхъ статей съ

²⁴⁾ Благочинный, священникъ Енталльской Троицкой церкви Василій Павловичъ Поповъ, помощникъ благочиннаго свящ. Кобыльской Георгіевской ц. (въ селѣ Коцково) Николай Михайловичъ Кругловъ, священники—Енапской Николаевской ц. (на Слободкѣ) Алексѣй Николаевичъ Консовъ, Утмановской Ильинской ц. Викторинъ Философовичъ Ржаницынъ, Сараевской Троицкой ц. (въ Березовкѣ) Ioаннъ Александровичъ Быстровъ (оба—своюки почившаго, ж.-патные на его сестрахъ Александрѣ и Марії), Дорожковской Леонтьевской ц. Василій Виталіевичъ Ушаковъ, Енапской Воскресенской ц. Сергій Платоновичъ Богдановъ и вспомогательный священникъ Луженской Николаевской ц. Устюженского уѣзда (тесь покойнаго) Василій Титовичъ Поповъ.

²⁵⁾ А. И. Волокитинъ и діаконъ Кліменгской Спасо-Преображенской церкви (въ Кичменгскомъ Городкѣ) Григорій Аристарховичъ Поддьяковъ.

припѣвами. Всенощная окончилась только въ 8 часовъ вечера; въ служеніи ея принимали участіе девять священниковъ²⁶⁾, два діакона (Волокитинъ и Поддьяковъ) и мѣстный псаломщикъ съ хоромъ учащихъ и учащихся Кобыльскихъ школъ. 29-го октября — въ четвергъ — назначено было отпѣваніе, которое, безъ сомнѣнія, собрало бы все духовенство округа, еслибы можно было оповѣстить своевременно. Въ 6 часовъ утра о. Василій Шипулинъ отправилъ будничную утреню, затѣмъ совершалось чтеніе Евангелія, а въ 8 часовъ раздался благовѣстъ въ большой колоколъ къ літургії. Послѣднюю совершили тѣ же девять священниковъ въ сослуженіи трехъ діаконовъ²⁷⁾ и трехъ псаломщиковъ²⁸⁾ съ хоромъ пѣвчихъ изъ учениковъ. Присутствовали всѣ вообще учащіеся Митенево-Горского земскаго училища и мѣстной церковно-приходской школы, въ коихъ ученья не было, во главѣ съ учителемъ А. Г. Фалалѣевымъ и учительницей Марию Александровной Воскресенской. Прибыла и учительница Енанской второклассной церковно-приходской женской школы Агнія Ивановна Заварина, учительствовавшая съ покойнымъ и на Моломъ и — сначала — въ Кобыльске. Послѣ причастна о. Викторионъ Ржалицкимъ было сказано поученіе, а послѣ заамвонной молитвы произнесъ слово о. Алексѣй Копосовъ Літургія окончилась въ 10 часовъ. Стеченіе народа было громадное; дабы всѣ имѣли возможность проститься навсегда съ любимымъ и почитаемымъ пастыремъ, сдѣлали получасовой перерывъ, въ теченіе котораго сплошною вереницей проходили съ поклонами и молитвами скорбящіе прихожане, чтобы отдать почившему послѣдній долгъ преданности,уваженія и благодарности. Въ 10^{1/2} часовъ началось отпѣваніе олиннадцатью священниками²⁹⁾ при участіи четырехъ діаконовъ³⁰⁾ и четырехъ псаломщиковъ³¹⁾ въ деревнѣ Николаевскомъ (нижнемъ) храмѣ, едва вмѣщавшемъ

²⁶⁾ Къ прежнимъ присоединился успѣшній прибыть священникъ Кичменгской Спасо-Преображенской ц. Василій Павловичъ Шипулинъ.

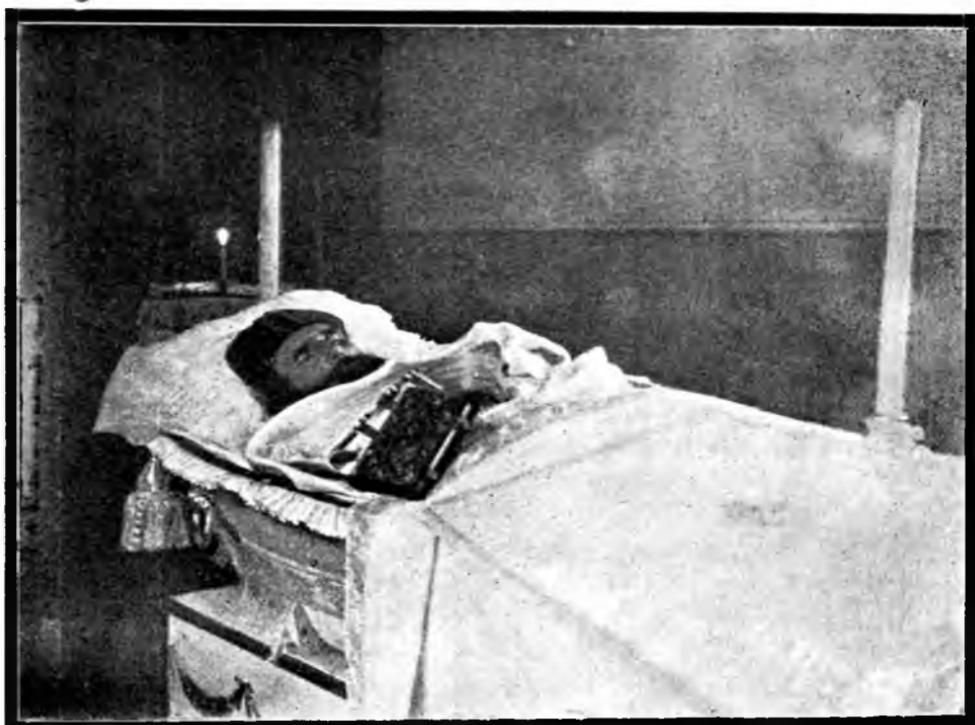
²⁷⁾ Мѣстныи А. Н. Волокитинъ, Енанской Николаевской ц. Анатолій Владимировичъ Озерковъ и Кобыльской Георгіевской ц. Александръ Викторовичъ Яхлаковъ.

²⁸⁾ Мѣстные — штатный Г. А. Поповъ и заштатный Андрей Михайловичъ Сумароковъ и Кобыльской Георгіевской ц. Алексѣй Афанасьевичъ Харьзовъ.

²⁹⁾ Къ прежнимъ присоединились еще священники Кильчанской Троицкой ц. Николай Николаевичъ Старостинъ и Шонгской Николаевской ц. Ioannъ Константиловичъ Голубевъ.

³⁰⁾ А. Н. Волокитинъ, Г. А. Поддьяковъ, А. В. Озерковъ и А. В. Яхлаковъ.

³¹⁾ Г. А. Поповъ, А. М. Сумароковъ, А. А. Харьзовъ и Кильчанской Троицкой церкви Алексѣй Матвеевичъ Божедомовъ.

О. Михаилъ Васильевичъ Поповъ († 1909, X, 20—вторникъ) во гробѣ въ часовнѣ
Маріинской Больницы г. С.-Петербурга 23 октября 1909 года (пятница).
По снимку его брата о. Константина В. Попова.

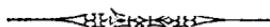
О. Михаилъ Васильевичъ Поповъ († 1909, X, 20—вторникъ) во гробѣ въ часовнѣ
Маріинской Больницы г. С.-Петербурга 23 октября 1909 года (пятница).
По снимку его брата о. Константина В. Попова.

молящихся. Предъ началомъ отпѣванія, которое продолжалось $2\frac{1}{2}$ часа, сказалъ поучительную рѣчъ о. И. А. Быстровъ, во время его произнесли рѣчи дѣти о. Михаила Василія (воспитанникъ 5 класса Вологодской дух. семинаріи) и Николай (2-го класса Вологодской дух. семинаріи) у самаго гроба послѣ первого Евангелія, а послѣ пятаго Евангелія обратился съ назидательнымъ словомъ помощникъ благочиннаго о. Н. М. Кругловъ Все выслушивалось со скорбнымъ напряженіемъ, которое достигло крайняго предѣла, когда говорили юныя дѣти почившаго съ чувствомъ глубокаго горя отъ невыразимо болѣзновавшаго сердца:— послышались тяжелые вздохи, раздались непрятворныя всхлициванія, нолились слезы и, наконецъ, зарыдали всѣ, не исключая и священнослужителей... Прощаніе опять продолжалось не менѣе получаса, и— послѣ отпуста— тѣло покойнаго о. Михаила съ иконами и хоругвями, при торжественномъ звонѣ, было обнесено духовенствомъ вокругъ церкви уготованной рядомъ съ родителемъ могилѣ, выложенной кирничемъ. Въ эту скорбную минуту приблизился къ гробу учитель Митенево Горскаго земскаго училища Аѳанасій Іоновичъ Фалалѣевъ и почтілъ своего закеноучителя признательнымъ словомъ за его великіе просвѣтительные подвиги, которымъ онъ посвящалъ всѣ силы и средства. Это прощальное привѣтствіе было невольнымъ свидѣтельствомъ, что добрые труды покойнаго уже приносятъ благіе плоды. При такихъ предзнаменованіяхъ сошелъ іерей Михаилъ въ могилу и приложился къ отцу своему до всеобщаго воскресенія. Надъ гробомъ былъ выведенъ кирпичный сводъ и могила засыпана землей. Было уже около 2 часовъ по полудни. По возвращеніи въ церквь совершили литію, и отсюда направились ко вдовѣ въ ломъ, гдѣ были приготовлены чай и обѣдъ. Собралось до 70 человѣкъ духовенства съ „матушками“ (А. К. Копосова, Л. А. Круглова, А. К. Богданова, М. К. Старостина) и другими почетными лицами изъ гостей и прихожанъ. Предъ сбѣдою благочинный о. В. П. Поповъ отправилъ литію, а во время обѣда — по мѣстному добруму обычаю— пѣли „Вѣчная память“ и „Со святыми упокой“ двукратно, потомъ стихири „Плачу и рыдаю“ въ срединѣ обѣда, почтили память покойнаго вставаніемъ съ пѣніемъ литіи и стихиры „Зряще мя безгласна“; затѣмъ сидя пѣли икосъ „Самъ елинъ еси безсмертный“ и въ самомъ концѣ съ одушевленіемъ вѣры прошѣли „Смерти празднуешь умерщвлѣніе“. Обѣдъ, продолжавшійся около двухъ часовъ, затянулся до

5^{1/2} часовъ вечера. После сего всѣ присутствующіе, постановивъ совершать по церквамъ благочинія поминовенія литургіи, отправились на свѣжую могилу и, отслуживъ (чрезъ Н. М. Круглова) здѣсь литію, еще разъ поклонились дорогому праху. На другой день, 30-го октября (въ пятницу), о Г. А. Быстровъ совершилъ заупокойную литургію и — послѣ вея — литію на могилѣ и въ дому матери почившаго о. Михаила, Анны Никаноровны; на 3-й день 31-го числа тоже отправлена была литія о. В. Ф. Ржаницынъ. Такъ торжественно, величественно и трогательно отцы и братія напутствовали достойнаго предстоятеля Кобыльской Ильинской церкви, истинно доброго, хорошаго русскаго человѣка, іероя Михаила Васильевича Попова ³²⁾. Искренняя трогательность сердечной преданности и теплая молитва горячей вѣры окружали его гробъ и сопровождали въ послѣднее земное жилище... Справедливо говорилъ одинъ ораторъ, что съ кончиною о. Михаила не умретъ любовь къ нему. Это всѣ единодушно чувствовали и разѣляли, ибо истинная пастырская любовь обязательно рождаетъ ту любовь, великую и спасительную, которая — по Апостолу (1 Кор. XIII, 8) — „николиже отпадаетъ“.

Вѣчная память и блаженный покой въ селеніяхъ праведныхъ незабвенному о Михаилу, который да будетъ, выну чисты молитвенникомъ предъ престоломъ Божіимъ о всѣхъ и вся, яко іерей Бога Вышняго!

Профессоръ *Николай Глубоковскій.*

³²⁾ Все совершилось согласно желанію почившаго. Въ его духовномъ завѣщаніи отъ 29 августа 1909 года, объявленномъ непосредственно послѣ похоронъ, имѣется пунктъ 5-й, въ которомъ о. Михаилъ выражаетъ такую свою волю: „Погребеніе мое должно быть приличное, но не роскошное. Желательно, чтобы отпѣтаніе было самое истовое, и чтобы при всѣхъ церквяхъ, настоятели которыхъ примутъ участіе въ отпѣтаніи моего грѣшнаго тѣла, устроено было по пути сорокоустное поминовеніе по моей грѣшной душѣ съ уплатою вознагражденія имъ по мѣстнымъ обычаямъ. Хорошо, если распорядители моихъ похоронъ устроятъ поминальную трапезу не столько для богатыхъ, сколько для бѣдныхъ.“

РѢЧИ И СЛОВА

ЛѢКЦИЈА ВСТРѢЧЊА И ОТПѢВАЊЈА ТѢЛА

священника

Михаила Васильевича Попова.

Р ъ Ч ь

о. Ви-торина Ржаницына при встрѣчѣ 28 октября 1909 г. тѣла священника Кобыльской Ильинской церкви Михаила Васильевича Попова въ деревнѣ Сушникахъ,—на самой границѣ Кобыльского прихода.

Того ли чаяли мы, дорогой братъ нашъ о. Михаиль, сопутствую тебѣ въ далекое странствованіе до С.-Петербурга, что здѣсь—на родномъ приходѣ твоемъ—будемъ встрѣчать тебя съ плачемъ и рыданіями!... Того ли чаяли оставшіяся дома дорогія и любимѣшія сердцу твоему мать и супруга, что возвращеніе твое къ нимъ будуть поливать горючими слезами?!

Первые и вторыя, уповая на Бога, ждали тебя, добрѣйший нашъ о. Михаиль, бодрымъ и здоровымъ. Но на все воли Божія, и Его неизреченое милосердіе да почуетъ на насъ многогрѣшныхъ!

Встрѣчаетъ тебя, добрый пастырь, и паства твоя на границѣ Богомъ назначенаго тебѣ места пастырскаго труда. Ты видишь и старцевъ, убѣленныхъ сѣдинами, и мужей, и женъ, и дѣтей—учениковъ твоихъ. Всѣ срѣтаются тебѣ, яко пастыря доброго, отзывающаго къ гуждамъ и скорбямъ людскимъ, заслужившаго любовь и довѣріе пасомыхъ, съ плачемъ и слезами.

При нашихъ недостойныхъ молитвахъ ко Вседержителю Богу, гряди іерей Божій, достолюбимый о. Михаиль, подъ сѣнь храма св. славнаго Пророка Божія Иліи, чтѣ въ твоемъ родномъ Кобыльскѣ, гдѣ предъ престоломъ Бога Вседержителя ты возносила свои святые молитвы за паству свою и за весь міръ христіанскій, и гдѣ совершилъ литургію и принесъ въ послѣдній разъ 28-го августа сего года безкровную жертву.

Вѣчная память добрый пастырь!

Вѣчная память любящій сынъ!

Вѣчная память милый братъ!

Вѣчная тебѣ память дорогой супругъ!

Вѣчная память паси мілый паси!

П О У Ч Е Н И Е

о. Викторина Ржаницына, сказанное вмѣсто причастна 29 октября 1909 г. на литургії при отпѣваніи священника Михаила Засильевича Попова.

При погребеніи обыкновенно говорить поученіе не столько проповѣдникъ, сколько безмолвствующій покойникъ. Не отверзаются уста умершаго, но безмолвіе ихъ волнуетъ сердца и поражаетъ умы гораздо сильнѣе, чѣмъ самое искусное проповѣдническое слово. Скончавшійся является какъ бы тѣмъ Лазаремъ, котораго просилъ послать къ живымъ евангельскій богачъ. И не напрасно наша Христова Церковь въ своихъ заупокойныхъ моленіяхъ и пѣснопѣніяхъ имѣтъ обычай говорить отъ лица умершихъ ко Господу Иисусу Христу, къ Которому они отходять, и ко всѣмъ намъ живымъ на землѣ. Этотъ назидательный обычай основывается на той истинѣ, что умершіе лишь тѣломъ мертвы, а души ихъ сохраняютъ все способности: и мыслить, и чувствовать, и благожелать, и молиться. Итакъ, пока почившій о Господѣ собрать нашъ и сослужитель еще съ нами, употребимъ остающіяся минуты на благочестивое собесѣдованіе съ нимъ и на молитву за него. Это будетъ дань любви нашей къ усопшему и послѣдняя бесѣда съ нимъ.

Вотъ, по вѣрѣ св. Церкви, усопшій предстоитъ суду Божію и, среди хваленій Богу Херувимовъ и Серафимовъ и при нашей молитвѣ за него, произносить свою сердечную молитву къ Отцу Небесному: *Помилуй раба Твоего. Руци Твои сотвори-
сть мя и создастъ мя.... Призри на мя, и помилуй мя,
по суду любящихъ имя Твое.* Вотъ, стоя на судѣ Господнемъ, почившій возводитъ очи свои горѣ и молитвенно взываетъ къ Божественному Искупителю: *на небо очи мои возвожу къ Тебѣ,
Слове: ущедри мя, да вижду Тебе.* Вотъ отшедшій отъ насъ собрать опускаетъ очи свои долу—и, увидѣвъ геенну и яже въ ней, душа его трепетно вопіетъ ко Господу: *Зубами ихъ да не
ята будетъ душа моя, яко птенецъ.* Слове, увы мнъ, како имамъ отъ врага избыти, грыхомлюбива сущи? Вотъ, созерцая красоту свѣтлыхъ обителей райскихъ и сердечно желая возворотиться въ нихъ, скончавшійся вѣщаетъ въ умиленіи: *Коль возлюбленна
селенія Твоя, Господи силъ! Желаетъ и скончавается душа
моя во дворы Господни.* „Неизѣбѣжная настигла меня смерть и разлучила отъ присныхъ и милыхъ чадъ моихъ. но Ты, Христе, представившій меня, въ соленіяхъ приводимыхъ со избранными Твоими упокой“.

Вотъ еще собрать панъ покойный вѣщасть изъ гроба: „Востаньте и соберитесь и сѣ и выслушайте слово отъ меня. Страшно то судище, на которое всѣ мы должны явиться: тамъ неѣти ни раба, ни свободнаго; гамъ иѣть ни малыхъ, ни великихъ: тамъ всѣ мы предстанемъ въ начертѣ. Куда дѣваются красота и золото? Гдѣ найдешь славу земную? Ничто не поможетъ памъ тогда. Иѣть во адѣ покаянія; иѣть тамъ ослабы;—тамъ червь неусыпаемый и огонь непроницаемый. А горѣ—тамъ свѣтъ немерцающій, тамъ источникъ жизни вѣчной, тамъ нескончаемое наслажденіе, тамъ рай, въ которомъ ликуютъ всѣ души нраведныхъ“. Такъ, братіе, почишій раскрывается для насъ тайны замогильной жизни: — его рѣчь должна быть особенно убѣдительна для насъ, потому что онъ уже самъ перешелъ въ жизнь загробную, самъ испытываетъ то состояніе, въ которомъ находятся души наши тотчасъ по разлученіи съ тѣломъ.

Или вслушаемся еще въ слѣдующія трогательныя слова, обращаемыя св. Церковію къ намъ отъ имени скончавшагося: „Я лежу, братія моя возлюбленная, посреди васъ молчаливъ и безгласенъ: уста мои запечатались языкомъ онѣмѣль, руки связаны, ноги неподвижны, лицо измѣнилось. очи не видятъ рыдающихъ о мнѣ, слухъ не внимаетъ о жалѣющихъ меня, нось не ощущаетъ благовонія кадильного; но истинная любовь никогда не умираетъ. Потому прошу всѣхъ и молю: непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхомъ моимъ на иѣсто мученія, но да вчинить ма, илѣже свѣтъ животный“.

Такъ, братіе, уссащій обращается съ мольбою къ намъ живущимъ — своимъ и зваемымъ. Теперь наша чреда молиться за почишаго, „его же избралъ и пріялъ Господь“, и поминать его предъ Господомъ, „яко да въ день суда обрящемъ милость и видимъ въ чертогѣ славы Его вѣчной, со всѣми избранными“! Придетъ время, когда и сами преставимся отъ земли живыхъ и будемъ нуждаться въ ихъ молитвахъ о нашемъ упокоеніи.

Но чьему сердцу покойный былъ ближе всего, — тому навѣтне вѣщаеть безмолвіе гроба сего. Посему уноваемъ, что мы не погрѣшимъ противъ истины, если въ уста скончавшагося вложимъ слѣдующее слово утѣшенія къ его осиротѣвшей супругѣ. „Другъ мой, — какъ бы такъ говорить уссащій изъ гроба своей осиротѣвшей супругѣ. — велика твоя потеря, велико твое горе: этого никто такъ хорошо не вѣдаетъ, какъ я. Но мужайся и крѣпись,

памятуя: *его же любитъ Господь, наказуетъ, бѣшъ же вся-
каго сына, его же приемлетъ* (Притч. III, 12) Господь Все-
благий сочетать насъ съ тобою и даль намъ насладиться чисты-
ми и святыми радостями честной супружеской жизни, даровавъ
намъ свое благословеніе въ дѣторожденіи. Възлагодаримъ же
Вседержителя за Его милость къ намъ, — возблагодаримъ — ты
здѣсь на землѣ, я тамъ — на небѣ. Но вѣдь Онъ же, Преблагий
и Премудрый Промыслитель, и разлучилъ насъ теперь: — Ему ли
станемъ противиться? Съ Нимъ ли станемъ вступать въ пререка-
пія? Скажемъ и мы съ многострадальнымъ Іовомъ: *Буди имя
Господне благословенно* (Іов. I, 21). Съ покорностю и любо-
вью примемъ отъ Всевышняго разлуку нашу въ той непрележной
увѣренности, что Онъ, Премилосердій Отецъ нашъ Небесный,
никогда не подастъ намъ камень вмѣсто хлѣба или змію вмѣсто
рыбы. Если скорбь твоя о разлукѣ со мной станетъ слишкомъ
тяготить твою душу, то скорѣе прибѣгай ко Господу съ молит-
вою и слезами. Тогда и духъ твой укрѣпится и ты сама пой-
мешь, что супружескій союзъ нашъ не могъ продолжаться вѣчно
на землѣ; опь быть лишь па время, дабы приготовить насъ къ
вѣчному единенію въ Богѣ, — въ обителяхъ небесныхъ. Придетъ
время, и ты послѣдуешь за мною въ могилу въ часъ,
Богомъ назначенный. Придетъ лѣкое время, и мы, — если
Господь Богъ сподобитъ насъ милости Своей, — опять соединимся
 духомъ въ обителяхъ небесныхъ, — соединимся затѣмъ, чтобы
никогда не разлучаться. Я отглачу жой долгъ: отсюда ты меня
провожаешь съ рыданіями и слезами, — тамъ я встрѣчу тебя съ ве-
селіемъ и радостію. Объ одномъ намъ должно позаботиться, чтобы
встрѣча наша была чиста и безупречна. Нашъ союзъ расторгается
лишь видимо — по тѣлу; наоборотъ, для души теперь-то опь
только и начинается. Отходя отъ тебя ко Всевышнему, Который
сочеталъ меня съ тобою, я духомъ пребуду съ тобою всюду и
всегда. Есть средство и у тебя къ духовному единенію со мною
это молитва о моемъ упокояніи. Въ видимый залогъ нашего
невидимаго, духовнаго союза благость Божія оставила тебѣ на-
шихъ дѣтей: — въ нихъ наша плоть и кровь, въ нихъ наши
духъ и жизнь. Доселѣ они были залогомъ любви нашей зем-
ной, — отсюда они будуть залогомъ любви небесной. Своимъ ду-
хомъ, своюю любовию, своюю молитвою, своимъ благословеніемъ я
по благодати Божіей неотступно пребуду съ ними; и ты
сосредоточь свою материнскую любовь на нихъ — и во имя этой
любви мы будемъ неразлучны съ тобой*.

Братіе! Время прекратить наше собесѣданіе съ почившимъ, который взымаєтъ къ намъ: „здравствуйте, друзья, чада; спасайтесь, братіе, спасайтесь знаемъ: азъ бо въ путь мой шествую, но память творите о мнѣ!“ Запомнимъ этотъ завѣтъ и ладимъ теперь мѣсто нашей совокупной молитвѣ о дорогомъ покойнике. Соединимъ наши сердца и единодушно воззовемъ ко Господу, обладающему живыми и мертвыми, да вселить Онъ душу новопреставленного раба Своего іерея Михаила въ иѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачиѣ, въ мѣстѣ покойниѣ, идѣже праведній упокоится. Аминь.

С Л О В О

о. Алексія Копосова послѣ заамвонной молитвы на заупокойной литургії 29 октября 1909 года при отпѣваніи священника Михаила Васильевича Попова.

Приснопамятный о. Михаилъ!

Какъ иногда порывъ вѣтра нежданно-негаданно напосить неастныя тучи съ проливнымъ дождемъ, такъ нѣсколько дней тому назадъ телеграфъ принесъ печальную вѣсть о твоей кончинѣ.—вѣсть, вызвавшую много-много горькихъ слезъ...

Не для радостнаго торжества собрались мы сюда, какъ бывало раньше,—иѣтъ!.. Дорогой сослуживецъ, собрались мы сюда совсѣмъ для насъ неожиданно—сotворить о тебѣ надгробное рыданіе съ молитвою и бросить прощальную горсть земли на гробъ твой.

Вѣчная и добрая память да будетъ о тебѣ, честный отче!

Не судиль намъ Богъ лично проститься съ тебею. Ты отошелъ въ загробный міръ, не сказавши намъ послѣдняго „прости“, и мы не видѣли тебя умирающаго и сами не успѣли испросить у тебя прощенія.

Прости же, отче и брате, всѣ наши обиды и прегрѣшения, причиненные тебѣ волею или неволею.

Ты молчишь, закрытый во гробѣ, мы же въ недоумѣніи и горѣ стоимъ при немъ, не ожидая уже услышать отъ тебя слово, а сердечно и вздыхая возносимъ свои недостойныя молитвы къ Создателю о тебѣ, о упокояніи души твоей въ райскихъ селеніяхъ.

Вѣримъ, что душа твоя теперь созерцаешь и адскія муки—и ужасаешься; созерцаешь райское блаженство — и услаждается. Мо-

лися мы умиленно и всеусердно, да содѣластъ тебя Всемогущій Владыка участникомъ райскія славы со всѣми святыми Своими!

Обращаю слово свое и къ вамъ, духовный дѣти почившаго.

•Прель вами гробъ бывшаго вашего духовнаго отца, пастыря и молитвенника.

Вы уже больше не услышите его молитвенного голоса о васъ, не услышите доброго слова и наставлений на путь спасенія.

Онъ бездыханенъ и безгласенъ!

Братіе! „Поминайте наставники ваша“ — поучаетъ св. Апостоль (Евр. XIII, 7). И вы, здѣшніе прихожане, — поминайте покойнаго наставника, о. Михаила. Поминайте и молитесь за него... Помните: онъ, какъ іерей, въ этомъ храмѣ Божіемъ молился за васъ, испрашивалъ у Бога прощенія прегрѣшенній вашихъ; молился за васъ при болѣзняхъ и несчастіяхъ вашихъ и въ другихъ случаяхъ; возносилъ Господу Богу благодаренія за тѣ неисчислимые милости, какія Всевышній даруетъ грѣшнымъ людямъ... Покойный о. Михаиль просвѣщалъ свѣтомъ христіанской вѣры вашихъ младенцевъ въ таинствѣ крещенія. Онъ сопровождалъ молитвою въ загробную жизнь умершихъ отцевъ, братій и присныхъ вашихъ и молился о упокоеніи ихъ. Онъ же принималъ отъ васъ покаяніе и властію, данную ему отъ Бога, разрѣшалъ васъ отъ грѣховъ и преподавалъ вамъ Св. Тайны во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную.. Онъ, яко пастырь добрый, училъ васъ, какъ жить христіанину, дабы получить жизнь вѣчный; — цорицаль пороки и беззаконія и старался искоренить зло среди васъ и посѣять сѣмена благія. Дѣтей вашихъ онъ училъ правиламъ христіанской жизни и велъ ихъ путемъ добрымъ къ свѣту познанія истины и страха Божія.

О, велико служеніе пастыря Христова!

Недаромъ св. Іоаннъ Златоустъ говорилъ: „служеніе пастыря выше служенія ангельскаго“.

Таково было служеніе и покойнаго о. Михаила.

Неужели за свои труды для вашей душевной пользы почившій не заслужилъ отъ васъ какой-нибудь награды?!

„Достоинъ есть дѣлатель мзды своея,“ глаголетъ Господь (Лук. X, 7. Мате. X, 10. 1 Тим V, 18).

И не великой награды требуетъ вынѣ отъ насъ почившій.

„Братіе и друзья! сродницы и знаеміи! непрестанно молитесь о мнѣ Христу Богу“! — вотъ о чёмъ просить и молитъ усопшій.

Помолитесь же, прихожане, за своего почившаго пастыря, да уноконитъ Господь душу его, идѣже вси праведніи почивають, и непрестанно поминайтъ наставника вашего.

Еще скажу. Въ совмѣстной жизніи съ покойнымъ о. Михаиломъ могли быть у васъ, братіе, какія—вибудь несогласія, недоразумѣнія, непріятности и пр. „Нѣсть бо человѣкъ, иже живъ будетъ, и не согрѣшилъ“.

Возлюбленные прихожане Кобыльскіе! Простите своего отца духовнаго во всемъ, если онъ обидѣлъ васъ или причинилъ вамъ какую—нибудь непріятность. Онъ самъ, по причинѣ тяжкой болѣзни, не могъ, и теперь, уже мертвый, не можетъ проститься и примириться съ вами. Но, вѣримъ, что, умирая, онъ въ душѣ своей примирился со всѣми.

Простите же ему все!

Кто имѣеть какую—либо обиду на покойнаго, преклонись предъ гробомъ его и отъ души скажи ему: „честный отче Михаиле! прости меня грѣшнаго“. Тогда и Богъ проститъ васъ: „аще бо отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпустить и вамъ Отецъ вашъ Небесный“, сказалъ Иисусъ Христосъ (Мате. VI, 14).

Гряди же съ миромъ ко Господу, всечестный отче Михаиле! Пусть наши общія молитвы, вкупѣ съ Ангеломъ-Хранителемъ, будутъ путеводителями души твоей къ подножію небеснаго страшнаго престола Господа и славы Его.

Рѣчъ

о. Іоанна Быстрова предъ отпѣваніемъ 29 октября 1909 г.
священника Михаила Васильевича Попова.

Вѣчныи сномъ почилъ ты, дорогой нашъ братъ о Христѣ, незабвенный о. Михаилъ,—и почилъ не въ кругу своей семьи, а вдали отъ родины, на чужбинѣ... Услыхавши печальную вѣсть о постигшей тебя болѣзни и объ отѣздѣ твоемъ въ столицу для лечения, родные и знакомые надѣялись еще на благополучный исходъ болѣзни твоей; а послѣ счастливой операциіи были даже убѣрены, что скоро ты возвратишься къ мѣсту служенія на свою родину. Но Богъ не судилъ исполниться нашимъ ожиданіямъ! Ты возвратился, но возвратился въ небесное свое отчество—въ обители небесныя, а на земную родину привезенъ тлѣній, но священный для насъ прахъ твой, заключенный въ семъ гробѣ. И вотъ мы собрались сюда въ такомъ множествѣ

пастырей и наставных не для радостного торжества, а воспеть надгробный пѣсни.

Окружая сей гробъ и взирая на него, кто изъ насть, отцы и братіе, не подумаетъ, что рано надъ почившимъ исполненъ приговоръ Творца: „земля еси и въ землю отъидеш“? Не время еще умирать бы ему! Но не намъ, братіе, испытывать волю Божію о немъ. Не намъ смертнымъ дерзновенно вопрошать Безсмертнаго: почто такъ рано вземлешь животъ его отъ земли? Почто нога силь сей свѣтильникъ, такъ ярко горѣвшій? Ни гласъ Святой Церкви, ни горестные вопли родныхъ и знакомыхъ не въ силахъ разбудить заснувшего смертнымъ сномъ пастыря.

Съ покорностю примемъ, братіе, сіе опредѣленіе Творца и, отдавая послѣдній долгъ усопшему, будемъ утѣшаться надеждою, что Господь удостоить его покоя вѣчнаго въ лонѣ праведныхъ. Правда, разлучаясь навсегда съ любимымъ человѣкомъ, трудно воздержаться отъ сѣтованія и печали. А эта разлука слишкомъ ужъ тяжела для всѣхъ насть, особенно же для осиротѣлой семьи почившаго. Но должны ли мы безутѣшно скорбѣть? Должны мы были бы скорбѣть о покойномъ, еслибы были подобны язычникамъ, не имущимъ упованія, и еслибы неизвѣстна была намъ тайна смерти. Но Господь Своимъ крестомъ и воскресенiemъ сокрушилъ ту печать, подъ коей хранилась тайна будущей жизни, — и намъ дано видѣть сквозь сумракъ смерти невечерній свѣтъ вѣчно-блаженной жизни. Мы твердо знаемъ, что сей гробъ іероя Михаила есть только временное ложе для плоти его, которая, по гласу Архангела, возстанетъ въ новой силѣ въ день всеобщаго воскресенія.

Поэтому не скорби и ты, сѣтующая супруга! Господь послалъ тебѣ это испытаніе, — Онъ же подастъ и силы перенести его. Господь лишилъ тебя кормильца, — Онъ же будетъ твоимъ приближющимъ и покровомъ. „Возверзи на Господа печаль свою, — и Той та препитаетъ“. Господь будетъ твоимъ заступникомъ, если въ Немъ Одномъ будешь искать утѣшениія въ постигшей скорби. Помни, что не столько слезы нужны покойному, сколько молитва и милостища во имя его.

Помолимся же Господу Богу, отцы и братіе, да упокоитъ Онъ іероя Михаила въ селеніяхъ праведныхъ.

А ты, дорогой нашъ сродникъ, прости намъ всѣ прегрѣшнія и обиды, кои, по нечестию своей, когда-либо причинили тебѣ. Иди съ миромъ къ Престолу Царя Небеснаго и помяни насть тамъ, егда видишь въ радость Господа твоего.

Рѣчъ

при гробѣ священника Михаила Васильевича Попова старшаго его сына Василія во время отпѣванія, послѣ первого Евангелія (29 октября 1909 года).

Думали ли мы, дорогой родитель, тебя—всегда такого здороваго—видѣть бездыханнаго, лежащимъ во гробѣ? Думали ли мы, что ты еще такой молодой,—когда нужно бы жить, да жить,—умрѣши, оставивъ жену и малолѣтнихъ дѣтей?...

Но да будетъ воля Божія!

Теперь же позовь исполнить предъ тобой послѣдній нашъ долгъ сыновней и глубокой признательности.

Мы видѣли въ тебѣ хорошаго и доброго отца, исполняющаго всѣ наши желанія; за это тебѣ глубокое спасибо. А если мы—по нашей юношеской легкомысленности—причиняли тебѣ горечія—иногда даже и тяжелыя,—прости наась и помолись о наась, мы же непрестанно будемъ вспоминать тебя и молиться о тебѣ.

Молитесь и вы, православные христіане, о почившемъ вашемъ пастыре. Покойный родитель въ своемъ послѣднемъ письмѣ писалъ: „благословляю своихъ прихожанъ и прошу ихъ молиться о мнѣ грѣшномъ“. Чтобы быть ближе со своими прихожанами, покойный пожелалъ быть погребеннымъ въ родномъ ему Кобыльскѣ: „меня—говорилъ онъ—похороните въ Кобыльскѣ; тамъ каждый прихожанинъ, проходя мимо моей могилы, перекрестится, а здѣсь въ Петербургѣ скоро и могилу—то мою забудутъ“. Мы, не взирая ни на дальность разстоянія, ни на трудность пути и всѣ другія препятствія, исполнили твою послѣднюю—священную для наась—волю, дорогой родитель

Исполните же, братіе, и вы его послѣднее желаніе: помолитесь о новопреставленномъ іереѣ Михаилѣ, чтобы Господь упокоилъ его, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни вздоханіе, но жизнь безконечная.

Прощай же, дорогой родитель, и прости!

Рѣчъ

при гробѣ священника Михаила Васильевича Попова его младшаго (второго) сына Николая во время отпѣванія, послѣ первого Евангелія (29 октября 1909 г.).

Дорогой папа!

Хочется и мнѣ сказать тебѣ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ тебя засыплютъ сырья земля, и ты на вѣки скроешься изъ глазъ.

Трудно мнѣ съкнуться съ мыслю, что ты,—еще недавно здоровый и жизнерадостный,—умеръ. Но смотрю и вижу: лежишь ты во гробѣ—холодный, безмолвный и бездыханный. Ты умеръ, но только для моихъ глазъ, въ сердцѣ же моемъ ты будешь жить непрестанно, пока оно бьется. Какъ тяжело, какъ трудно лишаться въ такомъ еще раннемъ возрастѣ своего горячо любимаго отца!

Любилъ я тебя, дорогой папа, люблю и буду любить! Да какъ было и не любить тебя, такого всегда до меня ласковаго и доброго?! Съ радостю и любовью я вспоминаю еще то недалекое время, когда ты былъ здоровъ и такъ любовно относился ко мнѣ. Добрый папа! Ты съ любовью помогалъ мнѣ материальною помощью и опытными совѣтами въ тяжелыя минуты моей жизни. Ты не забывалъ мнѣ на дальней сторонѣ въ школѣ и частыми письмами справлялся о моемъ здоровьи и учениіи. Даже на смертномъ одрѣ ты много разъ справлялся о моемъ житьѣ и спрашивалъ, всѣмъ ли я доволечъ и все ли имѣю нужное. Наконецъ, ты прощалъ мнѣ всѣ проступки и ласково убѣждалъ не повторять ихъ. Благодарю тебя, мой дорогой, незабвенный папа! Глубоко и горячо благодарю... Но не могу я теперь передать все то, чѣмъ полно мое благодарное тебѣ сердце. Скажу простое спасибо: пусть оно послужитъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ выраженіемъ моей благодарности. Прими же это послѣднее синовнее слово!

...Однако ужъ близокъ моментъ, когда предъ тобою раскроется мрачная, зіяющая могила и поглотить навѣки.

Прощай же, дорогой папа, прощай навѣки!

Благослови меня теперь изъ твоего тѣлесаго жилища родительскимъ благословеніемъ, благослови и окружающихъ тебя твоихъ малютокъ-сиротъ. Будь намъ молитвенникомъ и заступникомъ передъ Всевышнимъ! Я же непрестанно стану молитися о тебѣ усердною и горячою молитвой!

Прощай!!!

Рѣчъ

помощника благочинного о. Николая Круглова при отпѣваніи священника Михаила Васильевича Попова, послѣ пятаго Евангелія (29 октября 1909 г.).

Братіе и сослуживцы, сродники, друзья, знаемые и всѣ при сутствующіе!

Предъ нами гробъ, въ которомъ лежитъ бездыханное тѣло всѣми достоуважаемаго нашего о. Михаила, такъ рано и неожиданно во днѣтѣ лѣтъ окончившаго свое земное погрѣщеніе. Смерть наложила печать молчанія на его уста, закрыла свѣтъ очей его и прекратила дѣятельность его доброго, сострадательнаго и любвеобильнаго сердца. Пройдетъ еще не много времени, и этотъ холдный трупъ приметъ въ свои объятія мрачная и сырая могила, оставивъ намъ обѣ умершемъ одно лишь воспоминаніе и сожалѣніе.

Не оправдалъ покойный нашихъ надеждъ, которыя мы всѣ на него возлагали. Судя по его лѣтамъ — 40 годовъ, принимая во вниманіе его всегда крѣпкое здоровье, кто могъ думать, что онъ столь скоро и такъ для всѣхъ настъ внезапно сдѣлается жертвою смерти и изъ гроба будетъ взывать къ намъ (погреб. священниковъ): „братіе мои возлюбленные, не забывайте мя, егда поете Господу..., но молите Бога, да упокоитъ мя со праведными Господъ“?

Не можемъ забыть тебя, нашъ дорогой собратъ, сослужитель алтаря Господня; не можемъ отказать тебѣ въ своихъ молитвахъ, которыхъ просить сейчасъ, лежа во гробѣ, и просилъ еще при жизни въ своихъ бесѣдахъ съ нами. Для выраженія нашей любви, нашей признательности къ тебѣ, какъ собрату по службѣ, мы воздвигнемъ тебѣ невещественный памятникъ въ глубинѣ всесего сердца и до конца своей жизни будемъ молиться Господу Иисусу, да упокоитъ Онъ тебя въ обителяхъ Отца Небеснаго.

Къ вамъ, прихожане сего святого храма, обращаю мое слово. Въ этомъ гробѣ спитъ сномъ смерти вашъ бывшій пастырь, вашъ отецъ духовный, который возвѣщалъ вамъ слово Божіе, — слово жизни и спасенія, — въ семъ храмѣ и въ вашихъ домахъ, а предъ престоломъ Божіимъ воздѣвалъ свои руки, когда приносилъ безкровную жертву за васъ и ваше спасеніе. Теперь, окончивши земную жизнь, которую проходилъ въ трудахъ и за-

ботахъ ио устройству своей духовной паства, васъ, православныхъ обитателей сей Кобыльской веси,—онъ съ трепетомъ сей-часъ предстоить предъ престоломъ Праведнаго Судіи, Господа нашего Иисуса Христа, чтобы отвѣтать ему не за себя только, но и за ваши души, вѣренныя его духовному водительству. Чѣмъ вы почтите память вами всѣми любимаго пастыря духовнаго, нынѣ умершаго? Чѣмъ выражите ему свою благодарность за всѣ его заботы и труды относительно васъ, за заботы о благополучіи вашего храма Божія, заботы о насажденіи духовныхъ въ приходѣ разсадниковъ—школь для вашихъ малолѣтнихъ дѣтей? Чѣмъ, наконецъ, постараитесь помочь ему въ его загробной жизни?

Молитвою, молитвою, други мои и его духовныя дѣти, молитвою постоянною и усердною о томъ, чтобы Премилосердый и Всеблажій Господь простилъ усошему вольнаго и невольнаго его прегрѣшенія, отъ которыхъ, какъ и всякий человѣкъ, надѣленный немощами природы и разнаго рода недостатками, покойный былъ не свободенъ. Молитесь о томъ, чтобы Господь простилъ ему въ особенности прегрѣшенія, содѣянныя имъ по долгу пастырства, и не поставилъ ему въ вину и преступленіе грѣхи чужіе, грѣхи, которые дѣлились вами, но дѣлались и совершались, быть можетъ, по его немощи. Молитвы это вашъ долгъ,—ваша прямая и священная обязанность относительно покойнаго о. Михаила, который для васъ и для устроенія вашего спасенія жертвовалъ своими силами, покоемъ, здравьемъ всегда и во всякое время дня и ночи.

Смѣю обратиться и къ тебѣ мать-старица, скорбящая о родномъ старшемъ своемъ сынѣ, такъ неожиданно для тебя умершемъ. На склонѣ дней своего житія искала ты и думала обрѣсти въ немъ утѣху; думала и ждала, что онъ, какъ твоя радость и надежда, закроетъ старческія очи въ день кончины и проводить въ загробную жизнь, помолится на могилѣ твоей, какъ всегда дѣлалъ на прахѣ родителя своего. Съ этой цѣлью онъ занялъ мѣсто пастыря сей Кобыльской церкви и при прощаніи съ бывшею Моломскою паствой въ рѣчи выразился: „съ грустью разлучаюсь съ вами, будучи отзываемъ не материальными расчетами, не трудностію и многосложностію заботъ пастырскихъ, а единственно желаніемъ родителей своихъ—быть молитвенникомъ за своихъ предковъ“. Но Богъ, полагающій предѣлъ жизни каждого человѣка, судилъ иначе. Въ старости твоей, на склонѣ

жизни, Богъ послалъ тебѣ скорбь и печаль, но помните, Анна Никаноровна, матушка почтенная, слово Божіе: „кого любить Господь, того наказываетъ — и благоволить къ тому, какъ отецъ къ сыну своему“ (Притч. III. 12). Посему и нужно нести этотъ крестъ съ терпѣніемъ и преданностю волѣ Божіей, которою все устроется къ нашему благу и спасенію.

Не могу не сказать хотя нѣсколько словъ и тебѣ, пораженная скорбью и печалью, осиротѣвшая супруга со своими малолѣтними крошками дѣтьми — сиротами. Вы всѣ въ настоящую минуту горько — горько скорбите и плачете! Большую и чувствительную потерю понесли дѣти, лишившись отца! Отца, кормильца и воспитателя! Отъ души, какъ самый близкій, какъ бы даже самый родной, сочувствую вашему великому горю; равно и всѣ предстоящіе здѣсь раздѣляютъ ваше горе и скорбь. Единственный для васъ утѣшитель — это Господь, пославшій это тяжкое и горестное испытаніе. Не малымъ утѣшеніемъ и отрадою для всѣхъ скорбящихъ и плачущихъ могутъ служить его всегдашнее благословеніе, слово утѣшенія въ скорбяхъ, въ особенности слова его въ послѣдніе дни прощанія съ нимъ при отъѣздѣ его въ С.-Петербургъ. Вспоминайте его слова, какъ онъ во всѣхъ скорбяхъ совѣтовалъ прибѣгать къ молитвѣ, и не забывайте сего спасительного совѣта, а храните его какъ драгоценный бисеръ. Да будетъ молитва во всей вашей скорби всегдашнею спутницей! Помните и не забывайте, что отецъ для сирыхъ есть Самъ Богъ: Онъ, Всеблагай, устроить все на пользу, ибо скорбь и радость отъ Него — все во спасеніе! Були милость Божія съ вами! — повторяю вамъ и я послѣднія слова и пожеланія почившаго супруга вашего при прощаніи.

Прости же, мой возлюбленный другъ и товарищъ, возлюбленный о Господѣ собратъ, сослужитель алтаря Господня! Прости и прости! Прими отъ меня грѣшнаго іерея и всѣхъ насть предстоящихъ нашъ послѣдній прощальный привѣтъ. Иди и иди съ миромъ, упованиемъ и надеждою къ призвавшему тебя Пастырепречальнику Господу Іисусу Христу и, елико обрѣтешь у Него Праведнаго Мздовоздаятеля, дерзновеніе, молись за насть недостойныхъ и грѣшныхъ собратій — служителей алтаря Господня, за своихъ близкихъ родныхъ, за свою семью, духовныхъ дѣтей, а мы съ своей стороны не забудемъ тебя въ своихъ молитвахъ и нашихъ добрыхъ о тебѣ воспоминаніяхъ. Прости и благослови всѣхъ насть своимъ духомъ, коимъ, быть можетъ, нынѣ здѣсь присутствующий при своемъ бренномъ тѣлѣ. Аминь.

Рѣчъ,

чителя Аѳанасія Фалалѣева, ск занная 29 октября 1909 г. предъ опусканіемъ въ могилу тѣла священника Ва- силія Михайловича Попова.

Какъ тяжело, невыразимо тяжело поднять руку для того, чтобы бросить на прощаніе горсть земли въ могилу близкаго нашему сердцю о. Михаила! Трудно вѣрить,—да и сейчасъ еще не вѣрится,—что мы разстаемся на вѣки съ нашимъ отцомъ духовнымъ, съ незабвеннымъ о. Михаиломъ... Давно ли, кажется, онъ былъ среди нась, говорилъ съ нами, молился за нась въ родномъ своемъ Кобыльскѣ... А сейчасъ?.. Смотрите, вотъ онъ лежитъ въ гробу холоднымъ, бездыханнымъ трупомъ. И не встать ему изъ него, не услышимъ уже мы его поученій...

Проливая слезы надъ прахомъ незабвеннаго о. Михаила, оживимъ въ нашемъ сознаніи иѣкоторыя черты изъ его жизни,

Какъ пастырь, о. Михаилъ былъ для своихъ прихожанъ истииннымъ отцомъ, всецѣло имъ преданнымъ. Вспомните: когда вы просили его посѣтить вашъ домъ для исправленія какой—нибудь трябы ночью или въ ненастное время, отказывался ли онъ, когда или, по крайней мѣрѣ, просилъ ли васъ хоть обождать?.. О, нѣтъ!.. Не смотря на ненастную погоду, не смотря на холодъ и вьюгу, не смотря на дождь, знай и вьль, онъ днемъ и ночью спѣшилъ къ вамъ немедленно по первому зову!.. Въ радости вы,—и онъ съ вами радуется; бѣ печали вы,—и онъ утѣшаетъ васъ; бѣденъ кто, и онъ поможетъ ему. А теперь?.. Къ кому обратимся мы съ пресѣбой о помощи? Кого попросимъ помочь намъ? Нѣмъ тотъ языкъ, который бесѣдовалъ съ нами и въ часы радости и въ минуты скорби! Замерло то дыханіе, которое дышало такою любовию къ намъ! Перестало биться сердце, столь радостно трепетавшее всецѣлою преданностю намъ, его духовнымъ дѣятъмъ.

Такое огромное стеченіе народа показываетъ, что всѣ духовныя твои дѣти глубоко любили тебя, дорогой нашъ отецъ Михаиль! Любили тебя и маленькия духовныя дѣти—ученики. Посмотри! Вотъ они пришли сюда для того, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на тебя, своего законоучителя. Я хорошо знаю, съ какою горячею любовью прислушивались они ко всякимъ твоимъ всегда добрымъ наставленіямъ! Какъ внимали каждому твоему слову! Въ продолженіе двухъ лѣтъ законоучительства во вѣрен-

номъ мнѣ Митенево — Горскому земскому училищѣ ты всегда посѣщалъ уроки весьма исправно. Не задерживали тебя и рѣка Югъ и плохая дорога. Шѣскомъ или на своей лошади ты сѣшилъ къ ученикамъ и усердно занимался съ ними... Всё это показываетъ, что и ты любилъ дѣтей, любилъ заниматься съ ними

И зачѣмъ же, послѣ всего этого, ты оставилъ насъ!? Грустно, грустно намъ! Какъ сироты, мы остались теперь безъ тебя, незабвенный и любимый отецъ нашъ...

Но, видно, такъ угодно Богу... Онъ взялъ тебя отъ насъ, взялъ и отъ своей жены, матери, дѣтей и родныхъ. Смотри: вотъ стоитъ твоя рыдающая мать и оплакиваетъ такъ рано умершаго милаго сына... Вотъ жена твоя, а вотъ и дѣти твои скорбятъ обѣ утратѣ своего дорогого родителя.... А мы — то ждали тебя здоровымъ и бодрымъ, готовымъ для дѣла своего и дѣланія до поздняго вечера намъ въ помощь, назиданіе и спасеніе но не пришлось даже увидать тебя, ибо ты явился во гробѣ безгласенъ и безыханенъ...

Въ послѣдній разъ мы теперь смотримъ на тлѣнныя останки дорогого намъ о. Михаила.. Тѣло твое умерло, но не умерла и не умретъ вѣѣтъ съ тобою наша искренняя и горячая любовь къ тебѣ... Долго, долго мы будемъ вспоминать о тебѣ и оплакивать тебя, какъ своего отца.

Прощай же дорогой, незабвенный напѣ о. Михаилъ! Прощай и прости!

Миръ праху твоему!

**Скорбной памяти Кобыльского пастыря о. Михаила
Васильевича Попова.**

Взгляну я на сѣверъ Россіи великой:
На Кубань-рѣкѣ есть Кобыльскій приходъ;
Тамъ жилъ нашъ священникъ смиренный и тихій
Отецъ Михаилъ сынъ Васильевъ Поповъ.

* * *

Родился въ семье онъ духовной,
Все въ томъ же Кобыльскомъ селѣ,
И выросъ онъ тихо и скромно,
Учился прилежно вездѣ.

* * *

Достигнувъ же званья студента,
 Въ Ильинскіе діаконы былъ посвященъ,
 Но скоро на степень священства
 На Молому былъ возведенъ.

* *

Былъ пастыремъ первымъ онъ въ новомъ приходѣ,
 Трудился здѣсь ровно одиннадцать лѣтъ,
 Оставилъ на добрую память въ народѣ
 Онъ звона церковнаго звучный напѣвъ.

* *

По Божій волѣ, въ Кобальскій приходъ
 На мѣсто родителя онъ перешелъ.
 Священствовалъ скромно здѣсь восемь годовъ,
 Какъ настырь примѣрный онъ жизнь свою велъ.

* *

Кого сокрушила злодѣйка судьба,
 Болѣзнь изнуряла... подняться неѣ силь..
 Ко всѣмъ тѣмъ на помощь стремился всегда
 Добрѣйшій нашъ пастырь отецъ Михаилъ.

* *

Въ нуждѣ помогалъ онъ, въ тоскѣ утѣшалъ,
 И въ храмѣ и дома — вездѣ наставлялъ,
 Съ любовью и лаской дѣтей обучалъ,
 На путь ко спасеню насть всѣхъ призывалъ....

* *

И вдругъ насть постигло великое горе:
 Въ столицу поѣхалъ нашъ настырь Сольной
 И вскорѣ, окончивъ житейское море,
 На вѣки почилъ тамъ отецъ пашъ родной....

* *

Но веси Кобыльской не могъ отъ забыть,—
Ей идъ смерть родимый былъ вѣренъ вполнѣ,—
И тамъ завѣщалъ онъ себя схоронить
Чуть слышнимъ языкомъ на смертномъ одрѣ.

* *

Исполнили дѣти завѣтъ тотъ священный,
Труда и заботы въ путь долгій несли.
Въ родное селеніе ирахъ отца тлѣніи
Съ великимъ почетомъ съ собой привезли.

* *

Стояли у гроба, обѣятая горемъ,
И мать, и супруга, и дѣти его,
И чада духовныя—всѣ въ полномъ сборѣ
Сошлись къ погребенію отца своего.

* *

„Прощай, мой возлюбленный сынъ дорогой!..
„Прощай, ненаглядный мой спутникъ земной!..
„Прощай, нашъ родитель кормилецъ родной!..
„Прощай, незабвенный нашъ настырь святой!..

* *

„Отъ насъ ты уходишь ко Господу славы,
„Гдѣ свѣтить небесный божественный свѣтъ,
„Гдѣ пѣтъ воздуховій, болѣзней, нечали,
„Гдѣ жизнь безкопечная будетъ во вѣкъ.

* *

„Молись же Творцу, ты отецъ нашъ любезный,
„За старыхъ и малыхъ несчастныхъ сиротъ!..
„Молись же Творцу, ты нашъ настырь примѣрный,
„За грѣшныхъ и темныхъ духовныхъ сыновъ!

* *

„Да будетъ священа могила твоя,—
 „Съ молитвой стекаться мы будемъ сюда...
 „Да будетъ священна для насъ навсегда
 „Сокрываша ирахъ твой родной земля! ...

1-го декабря 1909 года.

Крестьянинъ деревни Клюкина Кобыльского
 прихода Иванъ Михайловъ Петряшевъ

Примѣчаніе. Стихи эти присланы для напечатанія прихожаниномъ погибшаго Иваномъ Михайловичемъ Петряшевымъ, который является выразителемъ общихъ чувствъ, хотя наиболѣе былъ близокъ къ о. Михаилу по религиозно-умственнымъ интересамъ. Онь жилъ доселѣ духовною жизнью своего настыря и руководился совѣтами послѣдняго въ наблюденіи за находящимся въ его домѣ земской школой. Естественно, что эта потеря особенно тяжела для крестьянина Петряшева. Онь пишетъ: „Худо мнѣ живется безъ о. Михаила! Нигдѣ нѣть для меня совѣта науки, не съ кѣмъ побѣдовать въ воскресный день и раздѣлить радость и горе... Съ поникшему головой прихожу я теперь на его могилку, долго плачу и вздыхаю ко Господу о упокоеніи его кроткой души, а затѣмъ нахожу утѣшеніе въ чтеніи Св. Библии и духовныхъ книгъ, оставшихся отъ о. Михаила. Переношу я тяжкое горе, которое тяжелымъ камнемъ легло на меня, и со слезами молюсь данной мнѣ о. Михаиломъ на память иконѣ Божіей Матери Взысканія погибшихъ...“ Вотъ изъ какого источника выились настоящіе стихи, о которыхъ авторъ говоритъ, что „пишаль ихъ горячими слезами и жгучею кровью съ молитвою на устахъ за почившаго настыря“ Кобыльского.—Оригиналъ былъ переработанъ совѣтникомъ Уральскаго Областного Правлѣнія Александромъ Никаноровичемъ Глубоковскимъ, при чемъ сохранены лишь существенные черты внутреннаго настроенія и вѣнчанія распорядка.
 Н. Г.

П а с т ы р ь д о б р ы й ¹⁾.

(Памяти свящ. М. В. Попова)

Русь святая и донынѣ не оскудѣла „добрими“ пастырями, до самозабвенія преданными своему высокому христіанскому долгу. О многихъ изъ нихъ, занимающихъ болѣе или менѣе видные посты, пишутъ въ газетахъ, въ особыхъ специальныхъ изданіяхъ, слѣдя за каждымъ шагомъ ихъ достойной подражанія дѣятельности. Таковъ былъ въ особенности цезабвенный о. Иоаннъ Кронштадтскій, стяжавшій всемирную извѣстность своею пастырскою любовью къ человѣчеству. Но немало есть образцовыхъ пастырей и въ деревенской глупи, потихоньку трудящихся въ своемъ уголкѣ и неизвѣстныхъ широкой публикѣ.

¹⁾ Это статья первоначально была напечатана въ С.-Петербургскомъ журнале „Русский Паломникъ“ № 49 за 5-е декабря 1909 года; тамъ же помѣщены при ней и портретъ о. Михаила вмѣстѣ съ его автографомъ.

(Оглядываясь на прошлое, мною лично извѣданные, я могъ бы назвать много именъ, многихъ достойныхъ всякаго уваженія сельскихъ священниковъ, уже умершихъ, напр., о. М. Соколова („второго“ о. Иоанна Кронштадтскаго въ Бѣлозерскѣ), о. В. Орнатскаго (пламенного „Илію“ въ бѣлозерскомъ уѣздѣ), о. В. Чоташева (неустранимаго Христгова исповѣдника въ глухи устюженскаго уѣзда, новгородской губ.), о. Д. Ловцова (живую, ходящую „правду“ въ Новгородѣ) и мн. др. А кто о нихъ знаетъ? Только немногіе близкіе, за пѣкторыми развѣ исключеніями...

Къ ихъ сонму я причислю и недавно почившаго скромнѣйшаго сельскаго батюшку о. Михаила Васильевича Попова, священствовавшаго въ отдаленномъ уголкѣ никольскаго уѣзда, вологодской губерніи, почти въ теченіе двадцати лѣтъ: сначала при Моломской церкви, а потомъ на своей родинѣ — въ Кобыльскомъ приходѣ. Чѣмъ же, въ частности, онъ обращалъ на себя вниманіе окружавшихъ? И чѣдѣ будало и пасъ говорить о немъ специально?

А то прежде всего, что въ его лицѣ мы имѣли выдающагося, талантливаго проповѣдника, умѣвшаго покорить своимъ огненнымъ пастырскимъ словомъ слушавшую его паству. Этотъ талантъ его проявлялся еще на школьнай скамѣ, когда о. Михаилъ учился въ вологодской духовной семинаріи (окончилъ ее въ 1889 г., двадцати лѣтъ отъ роду), о чёмъ и донынѣ вспоминаютъ его товарищи, разсѣянные по обширному вологодскому краю, и другія лица, его знавшія. Но въ особенности проповѣдническій талантъ почившаго раззвѣль во время его продолжительной пастырской дѣятельности. О. Михаилъ говорилъ проповѣди, вѣль бесѣды, поучаль рѣшительно за каждой литургіей, не прибѣгая къ помощи тетралки и говоря въ высшей степени доступно и близко сердцу своей паствы, интересы, заботы, невѣзды, радости которой ему были слишкомъ извѣстны... И любили же его за эти проповѣди! Особенно это проявилось при его погребеніи, высоко-трогательномъ и поучительномъ...

То, далѣе, выдвигало о. Михаила, что онъ былъ преданъ своему тяжелому долгу до самопожертвованія. Не бывало случая, чтобы онъ отказалсяѣхать по первому же требованію прихожанъ немедленно, въ какое угодно время дня или ночи, —ѣхать самъ больной, иногда еле передвигавшій ноги. Рискуя простудиться, иногда съ опасностью еще болѣе горшою, онъ моментально спѣшилъ на зовъ, забывая обо всемъ остальномъ и помяя лишь

о своемъ долгѣ. И за это очень любили его всѣ, кто его зналъ...

На Моломѣ ему — „первому“ настоятелю — приходилось создать новый приходъ, и онъ создалъ его, полюбить и, если заѣмъ ушелъ, то лишь покинулся сыновнему долгу, призвавшему его въ Кобыльскъ — на родину.

Неусыпная энергія, непреклонная пастырская твердость, неподкупная честность сопровождали его всюду, и съ этими своими рѣдкими качествами онъ творилъ воистину чудеса, оживляя всякое дѣло, къ какому бы ни прикоснулся...

Тѣмъ еще выдѣлялся о. Михаилъ Васильевичъ, что самоотверженно ревновалъ о духовно-школьномъ просвѣщеніи своей паствы, съ неослабной энергией заботясь о надлежащей постановкѣ, о надлежащей организаціи церковно-школьного дѣла, для чего самъ, не стѣсняясь разстояніемъ, не боясь завязнуть въ болотѣ въ осеннеѳ и въ весеннее время, отказываясь отъ необходимоѳ часто отдыха, устремлялся въ школы при первой же возможности. Школьры видѣли его любовь, чуяли своими нетронутыми лѣтскими сердцами... и отвѣчали батюшкѣ тѣмъ же. Эта любовь не угасала въ подростающемъ поколѣїи и послѣ, дѣлая постепенно изъ Кобыльского, а раньше Моломскаго, прихода единую семью...

Нужно ли еще прибавлять что-либо къ сказанному? Развѣ отмѣченныя черты о. Михаила не дѣлали его пастыремъ образцовымъ, не искашившимъ своего, живущимъ только интересами своей паствы?..

И вотъ такой-то пастырь, на котораго всѣ возлагали еще очень и очень много надеждъ (вѣдь ему исполнялось только 40 лѣтъ!), скончался. Его больного, которому давно уже нужно было лечиться, но который и не думалъ о лечениѣ, продолжая самоотверженно свое пастырское служеніе, — чуть пе насильно привезли родные въ Петербургъ, надѣясь, что здѣшняя медицина возвратить ему здоровье, силы, столь нужныя для его паствы. И вначалѣ надежды на выздоровленіе были, но потомъ... потомъ болѣзнь стала прогрессировать все больше и больше, и о. Михаилъ скончался 20-го октября, на рукахъ своихъ сыновей, прѣхавшихъ къ нему изъ Вологды, на рукахъ своего брата столичнаго священника, на рукахъ своего родственника проф. Н. Н. Улубоковскаго, исчерпавшаго всѣ средства для спасенія умиравшаго и всячески облегчавшаго послѣдніе его дни, на рукахъ

своихъ знакомыхъ, глубоко полюбившихъ этого истиннаго христіанина, твердо и безбоязнико встрѣчавшаго смерть и утѣшавшаго другихъ, просившаго лишь обѣ одномъ — чтобы его прахъ былъ отвезенъ туда, въ далекій Кобыльскъ, гдѣ сосредоточена была вся его любовь, гдѣ жила его обширная и преданная ему пастырская семья, съ которой онъ не хотѣлъ разставаться и посмерти..

Его завѣтъ былъ свято выполненъ. Прахъ былъ перевезенъ на родину, и здѣсь его такъ торжественно встрѣтили, какъ могутъ лѣтать это только непосредственная провинціальная натура, строго, во всей чистотѣ блoudущія Христово учение... Воистину дѣти встрѣчали прахъ пѣжно любимаго и дорогого отца!..

Да почиваетъ на Авраамовомъ лонѣ „добрый“ пастырь, и да служить онъ долгіе-долгіе годы живымъ образцомъ для осиротѣвшей его пастырь! О „такихъ“ пастыряхъ да узнаютъ и отдаленные концы нашего общирнаго отечества!. Пусть вѣду ему подражаютъ и о немъ помолятся Всевышнему!

Ординарный профессоръ СПБ. Дух. Академіи

Александръ Александровичъ Бронзовъ.

Автобіографія о. М. В. Попова¹⁾.

Моя біографія.

Я родился въ селѣ Кобыльскомъ — при Ильинской церкви въ 1869 году января 7-го дня, крещенъ 9-го, а именинникъ 11-го числа того же мѣсяца. Имя мое — Михаилъ — наречено въ честь Михаила Клонского. Крещенъ я Священникомъ Енагской-Воскресенской ц. Философомъ Ржаницынымъ²⁾, который также былъ и моимъ крестнымъ отцомъ. (Моего крестного отца нѣть уже 5 лѣтъ въ живыхъ.) Крестная мать моя — Ольга Григорьевна Коносова — жена прежняго Диакона Кичменгской Преображенской церкви, а нынѣ Священника Енагской Николаевской ц. Николая Феодо-

¹⁾ Это есть сочиненіе, писанное о. М. В. Поповымъ по рускому языку въ 4-мъ классѣ Никольского училища тогдашнему выдающемся преподавателю Ивану Степановичу Кубасову, который былъ учителемъ даже его отца и скончался 5 апрѣля 1909 г. въ Никольскомъ священникомъ Александро-Невской домовой училищной церкви, (см. о немъ „Вологодскія Епархиальныя Вѣдомости“ 1909 г., № 10, стр. 202—215). На верху тетрадки помѣчено рукою юнаго автора: „Михаилъ Поповъ, 4-ый классъ. Генваря 19-го дня 1883 г.“; въ концѣ революція: „5. Чит. Учит. Кубасовъ.—И. Г.“.

²⁾ Отецъ своимъ почившему о. Викторина Ржаницына, женатаго на его сестрѣ Александрѣ.—И. Г.

ровича Копосова³). Отецъ мой Священникъ Василій Поповъ, сынъ умершаго пономаря той же Кобыльской Ильинской ц. Михаила Леонтиева Попова. Онъ имѣетъ теперь 38 лѣтъ отъ роду. Замѣчательно, что при той же церкви служилъ дѣдъ моего отца Священникомъ, а прадѣдъ Діакономъ. Далѣе родословная наша не известна. Матъ моя—дочь умершаго Священника Кичменгской Преображенской ц. Никанора Глубоковскаго, Анна, имѣетъ 37 лѣтъ. Братьевъ у меня два и сестеръ тоже. Первые: Николай, учится въ Никольскѣ, и Константинъ, имѣетъ отъ роду 7 лѣтъ. Вторыя: Александра, учится въ Никольской прогимназіи, и Марія имѣетъ отъ роду 6 лѣтъ. Родственниковъ у меня,—какъ живыхъ, такъ и умершихъ,—очень много. По словамъ матери, я до 3-хъ лѣтъ все спалъ въ челенкахъ. Когда я сталъ ходить, тогда со мною случилось слѣдующее обстоятельство, послѣ котораго я сталъ заикаться: у нашего приходскаго Діакона Поддьякова была ворона лошадь, которая, когда я къ ней подошелъ, когда она ъла сѣно,—схватила и тряслася меня до тѣхъ поръ, пока изъ зубовъ ея не освободила меня работница Діакона Агриппина. Заикался я до 7 лѣтъ. Во время моей жизни дома самымъ любимымъ для меня занятіемъ было уженѣе рыбы и купанье. У меня былъ другъ, сынъ нашего Діакона Николая Волокитина⁵), виѣстъ съ которымъ я и удилъ. За уженѣемъ мы просиживали даже по цѣлому дню. Сколько у насъ было радостей, когда мы выуживали порядочную рыбку, и напротивъ, сколько было скорби, когда мы не выуживали. Однажды весною,—помню,—я выудилъ 2-хъ большихъ головней, которые едва меня не стащили въ воду. Дважды я находился на краю пропасти, и именно весною. Вотъ какъ это было: однажды весною, когда у насъ было молебствіе, я побѣжалъ черезъ рѣку Югъ и, тянувшись по канату, повисъ на немъ надъ водою. Между тѣмъ нлотъ отѣхалъ отъ меня на довольно порядочное разстояніе, а я все продолжалъ висѣть надъ водою; еще минута,—тогда бы я упалъ въ воду и...⁶), но меня спасли подъ ъхавши въ лодкѣ. Другое обстоятельство: также весною я сталъ перебираться черезъ огородъ, сдѣланный черезъ рѣчку, и упалъ

³) Сынъ и преемникъ его по приходу священникъ Алексѣй Копосовъ не упоминался почившаго о. Михаила вышеупомѣщенными словами—П. Г.

⁴) Алексѣя Петровича; скончался 6 апрѣля 1876 года—П. Г.

⁵) Алексѣй Николаевичъ, пынѣ тоже діаконъ въ Кобыльскомъ приходѣ—П. Г.

⁶) Въ подлинникѣ точки.—П. Г.

въ воду, но, къ счастью, близко къ берегу, за который я уцѣнился руками и чрезъ это спасся. Послѣ этого обстоятельства я былъ боленъ въ лихорадкѣ 3 недѣли. Лѣтомъ я любилъ ходить за ягодами и грибами. Любиль я, когда жилъ домаѣздить на лошадяхъ, и однажды, когда я вхалъ во весь опоръ, я слетѣлъ съ лошади, прямо къ ней подъ ноги, но лошадь на меня не наступила, а остановилась недвижимою, и я опять таки миновалъ опасности. Послѣ этого я долго неѣздила на лошадяхъ, но когда забылъ приключившееся, то опять сталъѣздить. Имѣя отъ роду 7 лѣтъ, яѣздила въ Соловецкій монастырь и былъ записанъ въ свою приходскую школу, гдѣ и учился до 9 лѣтъ, а потомъ, когда мнѣ исполнилось 9 лѣтъ, я былъ увезенъ въ городъ Никольскъ и поступилъ въ число учениковъ приготовительного класса. Сначала я былъ поставленъ на квартиру къ Марѣѣ Ивановнѣ Поддьяковой, гдѣ и жилъ 2 года, а потомъ перешелъ на другую квартиру. Въ первый разъ обживаться было тоскливо. Рождества-то Христова дожидаешься, какъ Христова дня... Поступилъ я въ училище въ 1878 году. Учусь 5-й годъ. Въ настоящее время я въ 4-мъ классѣ. Изъ каждого класса переходилъ безостановочно. Боленъ не былъ въ продолженіе 4 лѣтъ и не пропустилъ ни одного урока.

РѢЧЬ

священника Михаила Васильевича Попова, сказанныя изустно 5 августа 1905 г. (пятница) при отпѣваніи его одиателя іероя Василія Михайловича Попова.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже нѣсть болезнь, ни печаль, ни вздоханіе, но жизнь безконечная.

Дорогой родитель!

19 февраля 1902 года съ честію и славою провожали мы тебя съ сего священнаго мяста въ твой благоукрашенный домъ но слушаю 35 — лѣтнаго твоего достославнаго служенія церкви Божіей въ семъ приходѣ. Не много болѣе 3-хъ лѣтъ прошло съ того достопамятнаго времени,— и вотъ теперь я, какъ старшій сынъ и намѣстникъ твой по приходу, долженъ по необходимости

напутствовать тебя со слезами при христіанскомъ отходѣ въ булашую загробную жизнь. Да, напаша, пришло время послѣдняго цѣлованія съ тобою въ здѣшнемъ мірѣ.

Я не Феофанъ Прокоповичъ, а ты не Петръ Великій:— потому не долженъ и не хочу восхвалять дѣлъ твоихъ человѣческихъ; тѣмъ не менѣе заслуги твои здѣшнему Кобыльскому приходу важны и значительны. По долгу справедливости и совѣсти нельзя не сказать, что въ теченіе 35 —лѣтнаго своего достославнаго служенія родному Кобыльскому приходу ты много сдѣлалъ для улучшенія умственнаго, нравственнаго и матеріального быта его. Ты, дорогой родитель, по свидѣтельству приходской лѣтописи и знающихъ теби, расширилъ свой приходскій храмъ и благоукрасилъ его почти безъ всякихъ средствъ; благолѣпіе здѣшняго храма громко говорить о твоихъ трудахъ и заботахъ о немъ. Ты обновилъ приходъ свой матеріально и духовно, заставилъ его усиленно стремиться къ нравственному усовершенствованію и спасенію.

Къ тебѣ рѣчь моя, рѣчь послѣдняя, дорогой отецъ, и послѣднее прости. Благодарю тебя за то воспитаніе, которое далъ ты мнѣ; благодарю за тѣ добрыя наставленія, которыя преподалъ ты мнѣ при концѣ своей жизни.

Удивляюсь твоему терпѣнію, съ какимъ ты переносилъ свою мѣсячную болѣзнь безъ единаго стона, жалобы и упрека. Твоя христіанская кончина,—какъ и житіе твое,—да послужить для всѣхъ насъ образцомъ и для нашей неизбѣжной кончины, ибо смерть есть удѣлъ всѣхъ и каждого изъ насъ. Почившій отецъ мой при смерти своей простилъ всѣмъ и каждому не только обиды духовныя, но и всѣ матеріальные долги¹⁾, а самъ просилъ однѣхъ только молитвъ за себя предъ Богомъ у всѣхъ и каждого. Посему и я по завѣщанію почившаго, прошу всѣхъ васъ, братія и сестры, и молю:—неистранно молитесь Христу Богу о усопшемъ іереѣ Василіѣ съ записью его въ свои поминальныя книжки, да упокоитъ Господь добрую душу его въ мѣстѣ свѣтлѣ, злачнѣ и чакойнѣ, идѣже нѣсть болѣзнь, чи печаль и вздоханіе, но жизньъ безконечная.

¹⁾ О. Василій Михайловичъ Поповъ предъ своею смертію заповѣдалъ роднымъ не взыскивать и даже не спрашивать долговъ, которые остались неуплаченными, а они составляли весьма изрядную сумму. Такъ же поступилъ и его сынъ о. Михаилъ. Въ духовномъ завѣщаніи послѣдняго отъ 29 августа 1909 года пунктъ 6-й гласить. „Долгу на мнѣ и на моемъ имуществѣ нѣть никому. Я ишлю за людьми по разнымъ обязательствамъ и на честное слово до 1000 рублей, но все это прощаю, прося лишь помолиться о моей грѣшной душѣ“.—И. Г.

Отъ имени всего Кобыльского прихода приношу тебе, отець родной, послѣднее земное поклоненіе со словами: „прощай на вѣки, прости и благослови и помолись за насъ грѣшныхъ! Помни, что молитва наша за тебя будетъ непрестанною, а память твоя вѣчно съ исполненiemъ завѣщанія твоего—хранить и поддержать родную мать нашу!“

Твой любящій сынъ и преемникъ Кобыльской Ильинской церкви священникъ *Михаилъ Поповъ.*

5 августа 1905 года.

Рѣчъ

священника Михаила Васильевича Попова, сказанный изустно 3 августа 1906 года, среда, на могилѣ его отца, іерея Василія въ первую годовщину его смерти.

Мнѣ никогда не приходилось проходить въдѣль надъ могилой, но я всегда сознавалъ, что лѣтняя проходѣль у могилы—это самая могила, а конечная цѣль всякой проходѣли—назиданіе. О чём же,—поэтому,—говорить и чему поучаетъ насъ сія дорогая могила, вокругъ которой все мы—и, сродницы и знаеміи, и близкіи и дальніи—собрались, надѣясь, во имя христіанской любви къ почившему?

Прежде всего могила эта напоминаетъ намъ о смерти, какъ неизбѣжномъ слѣдствіи грѣхопаденія нашихъ прародителей, по правосудію Божію. Никто не думалъ, что, при крѣпости сильнѣлесныхъ и бодрости духа, почившій годъ тому назадъ іерей Василій такъ скоро отойдетъ въ вѣчность; не только ближайшіе родственники и знакомые не ожидали его смерти, но и самъ почившій не хотѣлъ умирать; чтѣ доказывается обстоятельствами до и послѣ его смерти. Если же смерть, какъ временное разлученіе души отъ тѣла, есть неизбѣжный удѣлъ всѣхъ и каждого, то память смертная, о которой говоритъ Премудрый (І. Сир. ХІІ, 1), должна составлять первую и самую главную заботу всѣхъ и каждого. *Поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (І. Сир. VII, 39). Недаромъ святой Иоаннъ Лѣстовичникъ говоритъ, что память смертная столь же необходима человѣку, какъ необходимъ хлѣбъ, — и какъ безъ хлѣба нельзя жить, такъ и безъ памяти смертной невозможно управлять жизнь свою. Безъ хлѣба человѣкъ слабѣеть тѣлесно, безъ памяти смертной—духовно. У кого есть хлѣбъ, тотъ съ голоду не умираеть,—

и кто имѣть память смертную, тотъ не согрѣшасть смерти. Пусть же память смертная и спитъ и встаетъ вмѣстѣ съ нами!

Память смертная, воздерживая насъ отъ грѣховъ, вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ намъ и о томъ, что нужно быть готовыми къ смерти всегда и что послѣ смерти вѣтъ покаянія и исправленія, а только судъ нелицепріятный. По своему безконечному милосердію, Господь Богъ далъ средство облегчить участъ усопшихъ посредствомъ молитвъ и благотвореній въ память ихъ. Вѣримъ, твердо вѣримъ, что усердныя молитвы наши, растворяемыя слезами любви, могутъ содѣйствовать улучшенію участіи почившаго и заглажденію его прегрѣшеній вольныхъ и невольныхъ. Сверхъ того, молитвы смягчаютъ нашу скорбь по усопшему и заставляютъ съ христіанскимъ унованіемъ взирать на будущую загробную жизнь.

Сни же, дорогой родитель, добрый пастырь и прекрасный человѣкъ, крѣпкимъ сномъ праведника до радостнаго утра, когда всѣ мы снова встрѣтимся съ тобою въ иномъ мірѣ! Вѣрь, что мы, пока живы, не прекратимъ молитвенного общенія съ тобою и непрестанно будемъ взывать ко Господу: „упокой, Боже, душу усопшаго раба и вѣрнаго служителя іерея Василія въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачищѣ, въ мѣстѣ покойнѣй, гдѣ нѣть болѣзней, печалей и воздыханій“.

Какъ старшій сынъ почившаго и представитель рода Поповыхъ, земно кланяюсь дорогой могилѣ и иною усопшему вѣчную память. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ.

Страницы.

1) О. Михаилъ Васильевичъ Поповъ. Некрологъ профессора <i>H. H. Губоковского</i>	1
2) Рѣчи и слова (<i>о. В. Ф. Ржаницына, о. А. Н. Копосова, о. И. М. Быстрова, В. М. и Н. М. Поповыхъ, о. Н. М. Круглова, А. Г. Фалалѣева</i>) при встрѣчѣ, отпѣваніи и погребеніи священника М. В. Попова	27
3) Скорбной памяти Кобыльскаго пастыря и памяти о. М. В. Попова. Стихотворенія И. М. Петряшева	44
4) Пастырь добный. Памяти свящ. М. В. Попова. Профессора <i>A. A. Бронзова</i>	47
5) Автобіографія <i>о. М. В. Попова</i>	50
6) Рѣчь о. Михаила Вас. Попова при отпѣваніи его родителя, свящ. Вас. Мих. Попова	50
7) Рѣчь о. Михаила Вас. Попова на могилѣ его родителя свящ. Вас. Мих. Попова въ первую годовщину по смерти послѣдняго	52